

91(4.7) 3 I

Л 81

В. Лохтинъ.

универс

XII₂
202а 7а

КАРТИНЫ

XII₂ 202а

САМОВЫТНАГО РУССКАГО СУДОХОДСТВА.

Изъ сборника моихъ воспоминаній.

РѢКА ЧУСОВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1910.

В. Лохтинъ.

XII₂ 2029.

КАРТИНЫ

САМОВЫТНАГО РУССКАГО СУДОХОДСТВА.

Изъ сборника моихъ воспоминаній.

РѢКА ЧУСОВАЯ.

Библиотека Пермского
Гос. Университета
№ 4332B

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1910.

КАРИНЫ САМОБЫТНАГО РУССКАГО СУДОХОДСТВА.

(Изъ сборника моихъ воспоминаній).

Рѣка Чусовая.

Померкла слава Чусовой, какъ пути для отправки горнозаводскихъ грузовъ Урала, забыты ужасы, которые на этой рѣкѣ происходили, и жертвы, которыя она поглотила въ пучинахъ своего грознаго русла, но не исчезла красота ея дивной, суровой природы. Пробираясь между тѣснящими ее со всѣхъ сторонъ горами и извинаясь между ними то вправо, то влѣво, она обрѣзала эти горы грандіозными каменными обрывами, придающими ей дикій, величественный видъ. Точно каменные богатыри, стерегущіе это дитя Уральскихъ горъ, чтобы оно когда-нибудь не убѣжало.

Здѣсь внизу у воды—камни и скалы и пѣнящееся около нихъ теченіе, а тамъ, высоко наверху, на вершинахъ береговыхъ утесовъ, цѣпляющіяся за выступы и трещины сосенки и ели, кажущіяся снизу маленькими кустиками. Многія изъ нихъ не выдержали напора вѣтра и уже наклонились, висят на корнѣ или задѣвъ за сукъ сосѣдняго дерева, другія оторвались съ частью скалы и ждутъ своей участи, чтобы полетѣть внизъ на откосы рѣчного русла.

Прорѣзавъ свой путь вдоль Урала, Чусовая медленно и неуклонно продолжаетъ свое разрушительное дѣло. Дробя теченіемъ обломки камня и сметая все, что валится сверху въ воду, она грызетъ свои каменные берега все дальше и глубже и тѣмъ постепенно расчищаетъ себѣ дорогу. Грандіозныя обнаженія скалистыхъ обрывовъ, это трофеи побѣды тѣхъ ласкающихъ наши взоры, гибкихъ, извивающихся струй воды, которыя кажутся такими слабыми и послушными при встрѣчѣ съ вставшими на ихъ пути преградами, но которыя преодолеваютъ и сносятъ все убійственной настойчивостью своего непрерывнаго напора.

Наверху, на горахъ, раскрывается безпредѣльная панорама Урала. Длинной вереницей тянутся съ сѣвера на югъ исполинскіе, покрытые сумрачнымъ темнозеленымъ лѣсомъ холмы, тѣснящіеся одинъ къ другому и утоающіе на горизонтѣ въ синей дымкѣ тусклой дали. Точно гигантскія волны, когда-то клокотавшаго и потомъ навѣки застывшаго океана, спятъ эти великаны-холмы въ своемъ безмолвномъ покоѣ. А надъ всѣмъ этимъ таинственнымъ царствомъ горъ и лѣсовъ, надъ этимъ величественнымъ памятникомъ бурныхъ проявленій земныхъ силъ, высится чудный бирюзовый небосклонъ, съ тихо плывущими по нему барашками облаковъ, искрящихся ослѣпительною бѣлизною.

Глубоко внизу, между увалами горъ, скрываясь за поворотами и снова появляясь, блестящей узкой лентой вьется Чусовая, то справа, то слѣва ударяющая въ береговыя скалы громадныхъ размѣровъ и разнообразной, причудливой формы. Вотъ камень «Столбы», имѣющій видъ отдѣльныхъ высокихъ утесовъ. На одномъ изъ нихъ сидитъ, сгорбившись, старушка, читающая книгу. «Она злая», говорятъ плывущіе по рѣкѣ, «если на нее заглядишься, то разобьешься о подводные камни». А вотъ утесъ «Кирпичный», своими горизонтальными слоями и вертикальными трещинами напоминающій развалины сложеннаго изъ искусственной кладки замка. Вотъ «Лебязій» — со слоями похожими на эту птицу, красноватый «Дужный», состоящій изъ дугообразныхъ слоевъ, нависшая надъ водой «Печка», съ пещерой внизу, «Олений», съ котораго когда-то бросилась внизъ преслѣдуемая охотниками лось, «Плакунъ», съ котораго постоянно каплетъ вода, «Корова», съ ея вонючими сѣрными источниками. Впрочемъ, гдѣ же здѣсь перечестъ всѣ эти камни и скалы.

Кое-гдѣ на утесахъ, иногда высоко надъ водою, виднѣются пещеры, рисующіяся темными пятнами на сѣромъ фонѣ камня. Множество разказовъ сохранилось объ этихъ пещерахъ. Въ одной укрывался Ермакъ во время похода въ Сибирь и схватокъ съ туземцами, въ другой было убѣжище разбойниковъ, грабившихъ въ былыя времена проходившія барки, третью избралъ себѣ жильемъ отшельникъ. А вотъ, здѣсь, еще свѣжіе остатки костра. Кто знаетъ какіе люди тутъ только что были, охотники ли за рябками или сохатымъ, спасшіеся ли рабочіе съ разбитой барки, остановившіеся обогрѣться, или бродяжки, пробирающіеся изъ суровой Сибири въ родную Россію.

По горамъ и ущельямъ сплошной лѣсъ, теперь уже сильно вырубленный, но еще недавно — дѣвственный, дремучій. Немного най-

дется сейчасъ такихъ исполинскихъ кедровъ, лиственницъ и сосенъ, которыя заполняли тогда этотъ лѣсъ, прикрывая его чащу высокими густыми вершинами съ царившимъ подъ ними полусвѣтомъ и таинственною тишиною. Точно какой-то, спящій въ оцѣпенѣніи, заколдованный міръ. Ни веселой бабочки, ни стрекочущаго кузнечика, ни щебечущей птички. Полное безмолвіе, и только лишь издалека сверху доносится тихій шелестъ листьевъ, дрожащихъ на покачивающихся отъ вѣтра вершинахъ деревьевъ. А между вѣтвями, какъ сквозь волнующееся кружево, виднѣется чудное небо съ его глубокой, густой лазурью и плавающими въ немъ бѣлыми, какъ снѣгъ, и пухлыми, какъ вата, облаками причудливыхъ формъ и очертаній. Какъ-будто сама природа хочетъ отвлечь глаза туда, наверхъ, въ эту чудную высь, отъ сумрачныхъ картинъ непривѣтливаго и безмолвнаго сѣвернаго лѣса.

Какъ одѣлась Чусовая въ свои причудливые, каменные берега, такъ и ложе свое создала она почти сплошь изъ того же камня. Однако, и это каменное русло, загроможденное обломками скалъ и осыпанное крупнымъ щебнемъ, несмотря на свою твердость, не могло сохранить тѣхъ водопадовъ и пороговъ, которыя въ прежнія эпохи преграждали теченіе рѣки. Вѣдь, судя по древности пластовъ Пермскаго края, насколько старъ Уралъ, настолько стара и Чусовая, и въ неисчислимыя вѣка своего прошлаго она успѣла уже разрушить и сгладить рѣзкія препятствія движенію ея водъ, она уже врѣзалась своей долиной въ нѣдра земныхъ наслоеній настолько глубоко, что отъ прежнихъ ея водопадовъ и пороговъ остались одни слѣды въ видѣ сглаженныхъ и лишь отчасти сохранившихъ свою крутизну быстринъ, по мѣстному названію «переборовъ». Вода катится по этимъ современнымъ крутымъ участкамъ Чусовой съ большой скоростью, бурлитъ и клокочетъ, роется между загромодившими дно камнями, набрасывается на береговые выступы скалъ, покрываетъ водную поверхность крутыми безпорядочными волнами, и какъ бы утомившись отъ бурнаго своего порыва на крутомъ участкѣ рѣки, спѣшитъ на отдыхъ въ спокойное низележащее плесо. Борьба съ камнями на время замерла. Волненіе стихаетъ, рѣка покрывается гладкой, блестящей поверхностью, теченіе становится едва замѣтнымъ, и покрытые растительной землей берега одѣваются мягкимъ, привѣтливымъ пейзажемъ. Здѣсь, на плесѣ, все мягко, все тихо и спокойно, но не надолго. Сбравшись съ силами, на слѣдующемъ поворотѣ русла или на слѣдующемъ «переборѣ», рѣка снова бросается въ бой со скалистыми преградами ея теченію, и снова пѣнятся и бурлятъ ея всклокоченныя воды.

Таковъ видъ чередующихся стремнинъ и тихихъ участковъ, который Чусовая имѣетъ лѣтомъ въ обычномъ меженнемъ состояніи. Но, чтобы составить себѣ понятіе о силѣ этой рѣки, нужно видѣть ее не лѣтомъ, а во время весенняго половодья. Тогда о меженихъ переборахъ и плесахъ нѣтъ уже рѣчи, они скрываются подъ высокимъ уровнемъ, вся рѣка сплошь превращается въ бѣшеный горный потокъ. Тысячи ручьевъ и рѣчекъ выносятъ весной въ Чусовую снѣговья воды, и этотъ внезапно и быстро собравшійся скопъ воды, этотъ, какъ его называютъ, «наводокъ» превращаетъ рѣку въ стремительную водную лавину, несущуюся изъ области горъ въ долины низовьевъ. Теченіе рветъ берега, срываетъ деревья, вздымаетъ массы песку и уноситъ ихъ съ собою, катитъ по дну камни, бьетъ ихъ другъ о друга и разбиваетъ на части. Раскатившись на прямыхъ участкахъ русла, вода ударяется о расположенные на поворотахъ береговые утесы, вздымается по ихъ поверхности высоко вверхъ, падаетъ, обдавая все кругомъ брызгами, обратно и, отброшенная въ видѣ вѣера въ сторону, летитъ дальше внизъ по руслу. Много твердости и силы нужно имѣть расположеннымъ на поворотахъ русла утесамъ, чтобы противиться такому напору, и недаромъ такъ мѣтко называлъ эти утесы мѣстный народъ «бойцами».

Чусовая очень пустынна. На 400 верстахъ ея протяженія отъ Ревдинскаго завода до Уральской желѣзной дороги расположилось только 8 небольшихъ горныхъ заводовъ, кажущихся чуть ли не городами въ этомъ безлюдномъ краѣ. Есть еще нѣсколько пристаней удаленныхъ отъ рѣки заводовъ, да кое-гдѣ ютятся по берегамъ убогія деревушки, состояція изъ нѣсколькихъ избъ и населенныя крестьянами, промышленяющими около ближайшихъ заводовъ лѣсными работами и извозомъ. Плынешь по Чусовой лѣтомъ цѣлый день и не встрѣтишь ни души въ промежуткахъ между деревнями. Развѣ гдѣ-нибудь покажется впереди, за поворотомъ, маленькій плотикъ или челночекъ, съ какими-то таинственными людьми, при приближеніи поспѣшно скрывающимися въ чащѣ лѣса. Вѣдь рѣка эта была излюбленнымъ путемъ для путешествія бродяжекъ изъ Сибири въ Россію.

Чусовая просыпается и живетъ только весной. Сейчасъ Уралъ имѣетъ желѣзныя дороги, а прежде ихъ не было вовсе, и заводы отправляли свои товары въ баркахъ по рѣкѣ одинъ разъ въ году во время половодья. Нужно было сплавать отъ 600 до 1.000 барокъ, а такъ какъ на каждую барку ставили по 35 - 40 человекъ то на сплавъ собиралось до 30.000 народа, а то и больше. Это ли не оживленіе для мѣстности, гдѣ встрѣча съ человекомъ — рѣдкость.

Время весенняго сплава—праздникъ рѣки Чусовой, которому прибрежное населеніе, проскучавъ цѣлый годъ въ уединеніи и однообразномъ заводскомъ трудѣ, отдается со всеѣмъ пыломъ очнувшейся жизни. Все просыпается, повсюду новыя пришлые люди, улицы и площади полны народомъ. Все движется, волнуется и шумитъ, собирается въ кучки, ведетъ оживленные разговоры. Переваливаясь съ ноги на ногу, бредутъ, точно за своими сохами, нанятые на сплавъ, пришлые крестьяне, проходятъ татары, спрашивающіе своимъ ломаннымъ гортаннымъ говоромъ, гдѣ найти контору, форсиртъ въ толпѣ, возбуждая въ парняхъ зависть, «косной», нарядившійся въ полученную отъ завода красную рубаху и шляпу съ голубой лентой, спѣшитъ куда-то съ озабоченнымъ видомъ мундиръ начальства, сопровождаемый угодливыми сюртуками заводскихъ служащихъ и приказчиковъ, идетъ степенный, серьезный сплавщикъ, этотъ герой чусовскаго сплава, которому народъ, здороваясь, почтительно снимаетъ шляпы. Повсюду движеніе и повсюду мальчишки, у которыхъ всегда въ толпѣ есть какія-то свои спѣшныя дѣла и которые проталкиваются между людьми головами впередъ, путаясь подъ ногами. А окна домовъ и избъ украшены высунувшимися наружу женскими головами.

Торговля кипитъ. Около лавокъ толпы покупателей и зѣвакъ, продавцы нервно суетятся. Табакъ, папирсы и всякія угощенія раскупаются нарасхватъ, а мѣстные торговки не успѣваютъ готовить любимыя на Уралѣ лепешки-шаньги. Но больше всего, конечно, имѣетъ успѣхъ торговля «распивочно и на выносъ», прилавки которой, со всеѣми сокрытыми за ними тайнами винной торговли, подвергаются настоящей осадѣ. «Покупатели» сидятъ, распивая «вино», «грузные», за столиками и, смотря по настроенію, или горячо и тщетно въ чемъ-то другъ друга убѣждаютъ, колотя по столу кулаками, или же въ мрачномъ молчаніи, старательно, точно совершая священнодѣйствіе, опрокидываютъ въ горло наполняемые одинъ за другимъ стаканы. Другіе тѣсняются у прилавка «распивочно», веда разговоры съ сидѣльцемъ, а третьи ждутъ вина «на выносъ», приславъ за нимъ бабу или мальчишку съ посудой, заткнутой тряпкой.

Центръ скопленія народа, импровизированный бульваръ для гулянья,—это берегъ, на которомъ стоятъ заранѣе выстроенныя и ожидающія спуска на воду коломенки. По цѣлымъ днямъ бродятъ здѣсь любопытные обыватели, наблюдая за ходомъ заканчиваемыхъ послѣднихъ работъ и дѣлая критическія замѣчанія, безъ которыхъ

русскому человѣку обойтись невозможно. Надо же, въ самомъ дѣлѣ, поговорить, какова выйдетъ барка, «утоцнетъ» ли она въ пути, или дойдетъ до Камы, какъ будетъ она «разводить струю», будетъ ли «вертлява» или «зарѣзиста» и проч. Все это шумно, съ прибаутками обсуждается толпой, въ то время, какъ наверху на палубѣ бродить будущій командиръ барки—сплавщикъ, внимательно, съ сосредоточеннымъ видомъ всматриваясь въ ея устройство. А находящіеся тутъ же рабочіе, тѣ самые, которые на волнахъ бурнаго потока будутъ дѣлить судьбу и этой барки, и сплавщика, пытливо посматриваютъ на него, стараясь проникнуть въ его сокровенныя думы и угадать, что съ ними въ пути будетъ.

Идутъ въ то же время и приготовленія на Ревдинскомъ заводѣ. Дѣло въ томъ, что Чусовая, сама по себѣ, въ естественномъ ходѣ колебаній своего уровня, обыкновенно не даетъ возможности къ удобному сплаву барокъ. Она—дита окрестныхъ горъ, и что творится въ погодѣ кругомъ нея, то отражается сейчасъ же и на ней. Прощель ливень, Чусовая вздулась отъ хлынувшихъ въ нее водъ, стараясь поскорѣе удалить паводокъ внизъ по руслу. Настало весеннее тепло и таяніе снѣга, Чусовая обращается въ стремительный потокъ, настолько быстрый и опасный, что плыть по нему совершенно безразсудно. А когда лавина снѣговыхъ водъ пройдетъ, наступаетъ другая бѣда — мелководье. Уровень падаетъ настолько, что въ руслѣ не оказывается глубины, достаточной для прохода барокъ.

Для своего благополучія, сплавъ нуждается въ извѣстномъ подъемѣ воды, именно, около 3 аршинъ надъ меженью. И при томъ необходимо, чтобы такой уровень продержался въ рѣкѣ достаточное время. Это и достигается искусственно, выпуская воду изъ огромныхъ Ревдинскихъ прудовъ и образуя такимъ способомъ идущій внизъ по руслу водяной валъ нужной высоты и длины. Открывъ, наприимѣръ, шлюзы пруда на 30 часовъ, при средней скорости движенія по Чусовой паводка около 7 верстъ въ часъ, получается длина вала въ 210 верстъ, что для 600 барокъ, участвовавшихъ въ сплавѣ, давало на каждую изъ нихъ длину въ 60 саж. Очень немного, если принять во вниманіе, что сама по себѣ барка вмѣстѣ съ потесами занимаетъ около 30 саж. и что на промежутки между барками остается тоже не болѣе такого же пространства. Наибольшее число крушеній судовъ на Чусовой именно и вызывалось тѣснотой, вызывалось тѣмъ, что суда шли сплошь одно за другимъ и налетали другъ на друга при всякихъ замѣшательствахъ хода.

Но объ этомъ послѣ. Намъ достаточно сейчасъ знать, что Чусовской сплавъ совершается на искусственномъ выпускѣ воды изъ Ревдинскаго пруда и при томъ только одного этого пруда, такъ какъ въ ряду другихъ Чусовскихъ прудовъ онъ — единственный, достаточно большой для данной цѣли. И, кстати сказать, нуженъ не одинъ выпускъ, а два, — первый для взлома въ рѣкѣ льда, безъ чего на пристаняхъ нельзя приступать къ спуску на воду барокъ и ихъ погрузкѣ, и второй выпускъ уже собственно для сплава каравана.

Впрочемъ, вернемся къ сплаву. Съ началомъ весенняго времени Чусовая живетъ Ревдой. У всѣхъ одинъ вопросъ, сколько снѣговъ въ горахъ, какъ идетъ таяніе, когда взломаютъ ледъ, когда пустятъ караванъ, какая будетъ вода и проч. Погода составляетъ предметъ постоянныхъ заботъ и наблюденій, всякій считаетъ своей обязанностью говорить о ней, и на сцену являются народныя примѣты, конечно, непогрѣшимыя, что несомнѣнно доказывается ссылками на прошлое время.

Но въ особенности приковываетъ общее вниманіе скопъ воды въ прудѣ. Каждый идущій по плотинѣ считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ взглянуть на водомѣръ и узнать, насколько поднялся уровень и сколько еще осталось до тѣхъ поръ, когда нужно будетъ открыть шлюзы. При встрѣчахъ, первый вопросъ, первая новость, сколько воды прибавилось за ночь и какія вѣсти слышны съ верхняго, расположеннаго на той же Ревдѣ пруда, откуда то и дѣло летятъ извѣстія съ верховыми.

Наконецъ, время выпуска назначено. Новость эта со всевозможной поспѣшностью облетаетъ по всѣмъ пристанямъ и все на рѣкѣ приходитъ въ движеніе. Работа кипитъ и день, и ночь. Въ три дня послѣ взлома льда заводъ долженъ спустить на воду караванъ, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ барокъ, нужно каждую барку оснастить, снабдить принадлежностями, распределить товаръ, нагрузить его, выдать матеріалы и рабочимъ провіантъ, и ничего не забыть при этомъ.

Пушечными выстрѣлами народъ созывается на пристань для спуска барокъ или для «спинки», какъ здѣсь говорятъ. Все заводское населеніе бѣжитъ на это торжество, всѣ наряжены, какъ на праздникъ. Начальство разставляетъ на мѣста народъ, однихъ только судорабочихъ двѣ-три тысячи человѣкъ, а сколько еще добровольцевъ, желающихъ принять участіе въ этомъ интересномъ дѣлѣ.

Судовые мастера и плотники укладываютъ слизны, по которымъ ссовываются барки въ воду, мажутъ ихъ дегтемъ, заправляютъ

смычку лежней. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, лѣзутъ наверхъ славщики и ихъ помощники, съ этого момента принимающіе барку въ свои руки. Съ нею они скатятся сейчасъ съ берега на воду и въ ней поплывутъ между грозными камнями и бойцами Чусовского русла.

Приготовленія закончены. Рабочимъ розданы шести, которыми толкаютъ барку — ихъ дѣлый лѣсъ. Всѣ на мѣстахъ, все смолкло. Послѣдній осмотръ, шести ударяются о борта и напираютъ на нихъ; барка, раскачиваемая напоромъ сотенъ рукъ и плечъ, медленно, какъ бы нехотя, трогается съ мѣста, скользя по лежнямъ и заскрипѣвъ своимъ днищемъ. Толпа заколыхалась и зашумѣла. «Сильно — гораздо», кричатъ въ изступленіи распорядители спуска; «идеть», «идеть», гудитъ тысячная толпа, напирая на барку съ еще большей силой. Но увы! барка тронулась съ мѣста и снова остановилась, — гдѣ-то что-то уперлось и не пускаетъ. Поднимается невообразимая суетня, бѣгаютъ, машутъ руками, ищутъ, гдѣ заѣло, и ожесточенно спорять о томъ, какъ подложить какую-нибудь доску или полѣно, чтобы наладить дѣло. Кто еще разъ мажетъ «послаще» слизью дегтемъ, кто подрубаетъ топоромъ негладкія мѣста лежней, кто тянетъ за снасть или продолжаетъ толкать барку плечомъ, а кто и просто размахиваетъ руками, стараясь перекричать другихъ своимъ горломъ. А въ нѣкоторомъ отдаленіи стоятъ посторонніе наблюдатели, критикующіе ходъ дѣла и покровительственно высказывающіе свои замѣчанія окружающей толпѣ праздныхъ зрителей. Въ воздухѣ стонъ отъ тысячи голосовъ, снова гудитъ «навались», снова взрывъ восторга «идеть», и снова гдѣ-то заѣло. Одни срываютъ досаду крѣпкимъ словомъ, другіе чешутъ, снявъ шапки, затылки, или бѣгаютъ кругомъ, отыскивая причину новаго упорства барки. Всѣ суетятся и кричатъ разомъ, перебраниваются и горячатся. Однако, несмотря на этотъ хаосъ, все-таки какимъ-то непостижимымъ манеромъ барка снова окончательно «идеть» и, скатившись съ берега, грузно шлепается въ рѣку, расколыхавъ кругомъ себя водную поверхность.

Караванъ на водѣ. Подвозятъ къ пристани товаръ, и начинается спѣшная грузка. Ставятъ потеси, т. е. громадныя шестисаженныя, обдѣланныя въ форму весель бревна, два съ носа впередъ, и два сзади съ кормы, стелятъ около нихъ полъ — „потопчины“ и вообще заканчиваютъ всю оснастку, погрузку и снабженіе.

Наконецъ все приготовлено. Въ присутствіи всего собравшагося на берегъ населенія, заводскихъ властей и рабочихъ совершается

молебствіе. Вотъ подошла уже сверху рѣки прибылая вода. Сначала медленная, она идетъ все быстрѣе и быстрѣе, все болѣе замѣтно на глазъ ползетъ уровень вверхъ по откосу пологого берега. Передняя часть скатывающагося по рѣкѣ водяного вала подошла уже къ пристани. Голова его напираетъ серединой рѣки — вспучиваетъ ее и сбрасываетъ все плывущее, соръ, пѣну и проч. къ берегамъ. Горе и баркамъ плыть на этой головной части паводка.

„Она бросаетъ на камни“, говорятъ сплавщики, предпочитая лучше пропустить ее впередъ, отстоявшись въ пути, пока не догонитъ выровнявшаяся часть вала.

Наконецъ, показываются сверху изъ-за поворота рѣки и переднія суда верхнихъ каравановъ, и вѣсть объ этомъ моментально передается всему заводу. Суматоха достигаетъ высшаго предѣла. Всюду бѣготня для сбора запоздавшихъ людей и разыскиванія рабочихъ; — кто все еще въ кабакѣ, а кто запрятался куда-нибудь спать. На водруженную посрединѣ палубы скамеечку торжественно влѣзаетъ сплавщикъ, у колышекъ потесей становятся рабочіе. Молча и сосредоточенно снимаютъ они шапки и крестятся. Раздается пушечная пальба. Снасть отдана, „носъ направо“, и барка трогается въ путь. За ней другая-третья, потомъ послѣ нѣсколькихъ штукъ первая „казенка“ съ караваннымъ приказчикомъ, потомъ снова рядовыя барки, опять казенка, и такъ далѣе до конца. А на берегу ожесточенная пальба изъ пушекъ и маханіе, на прощанье, шапками отплывающему народу.

Караванъ прошелъ весь. Вотъ прошли мимо двѣ-три запоздавшія коломенки, скрылись за поворотомъ рѣки, и все вдругъ стихло. Толпа бредетъ по домамъ — и Чусовая пустѣетъ на годъ, опять до слѣдующей весны. Потолкуютъ еще нѣкоторое время объ разбившихся и обмелѣвшихъ баркахъ, а потомъ стихаютъ и эти разговоры. Все погружается въ прежнюю монотонную заводскую жизнь. Послѣдуемъ же и мы за ушедшимъ караваномъ, чтобы познакомиться съ чусовскимъ сплавомъ и съ опасностями русла.

Коломенка ходко плыветъ внизъ по руслу. На носу и кормѣ, лицомъ другъ къ другу, расположились по двѣ пары рядовъ рабочихъ, которые, держась за ручки потесей молча, дружными усилиями, работаютъ этими громадными, обдѣланными въ видѣ весель бревнами, то вынимая ихъ изъ воды наружу и занося въ бокъ, то грузно опуская обратно и бороздя ими воду. На скамеечкѣ, посрединѣ барки, стоитъ сплавщикъ, выкрикивающей команду и помахивающей то правой, то лѣвой рукой въ указываемую сторону, чтобы

не вышло роковой для нихъ всѣхъ ошибки. „Носъ направо“, „держи корму“, кричитъ онъ то-и-дѣло уже охрипшимъ голосомъ, а ему вторитъ стоящій съ нимъ рядомъ на той же скамеечкѣ помощникъ, а то и его сынишка — мальчуганъ, котораго онъ съ малолѣтства приучаетъ къ своему трудному и опасному дѣлу.

Такъ стоятъ на своихъ мѣстахъ эти люди, такъ покрикиваетъ сплавщикъ и такъ булькаютъ потесями рабочіе цѣлыхъ четверо сутокъ, переживая опасности, которымъ ихъ то-и-дѣло подвергаетъ суровое и грозное чусовское русло. И здѣсь именно, въ этихъ простыхъ людяхъ, равныхъ между собой по положенію и одинаково безвластныхъ, ярко выступаетъ тотъ высшій предѣлъ дисциплины, когда каждый изъ подчиняющихся глубоко, всѣмъ существомъ своимъ сознаетъ, что его жизнь и спасеніе зависятъ отъ опытности сплавщика и отъ точности исполненія его приказаній.

Спокойный участокъ рѣки. Барка мѣрно плыветъ посрединѣ русла, лишь изрѣдка булькая въ водѣ потесями, чтобы выровнять движеніе. Рабочіе пользуются свободнымъ временемъ, крутятъ папиросы, глядятъ по сторонамъ, и даже сплавщикъ молчитъ, передавъ команду помощнику, лишь изрѣдка указывая рукою, куда направить барку.

Но вотъ спокойному теченію уже конецъ. Забѣгали по водѣ крутящіяся воронки водоворотовъ, побѣжала пѣна и соръ; теченіе оживилось, вода какъ будто спѣшитъ впередъ, туда, откуда слышится отдаленный шумъ, и гдѣ виднѣется вспѣнившаяся, волнующаяся поверхность. Передъ глазами встаетъ вдающаяся въ русло скала, разрѣзающая вздымающіяся на нее клокочущія воды. Подхваченная теченіемъ, коломенка, грузно закачавшись и скрипя своими перегибающимися досками и швами, бѣжитъ все быстрѣе и быстрѣе. Приближается моментъ прохода у грознаго бойца, сокрушившаго не мало судовъ и погубившаго не мало народа. На баркѣ все смолкло, полная тишина, и только лишь зловѣщій плескъ воды доносится спереди все яснѣе и яснѣе. Рабочіе боязливо взглядываютъ на свою „надежу“, сплавщика и, блѣдые, застывъ въ своихъ позахъ, судорожно сжимаютъ колышки потесей, вслушиваясь въ зловѣщее молчаніе и боясь упустить моментъ команды. Сплавщикъ, нагнувшись впередъ, точно желая поскорѣе попасть туда, въ клокочущую пучину и машинально поднявъ руку, какъ будто призывая всѣхъ къ вниманію, стоитъ, какъ окаменѣлый, на скамейкѣ, вперивъ глаза впередъ и слѣдя по шестуку на носу, какъ поворачивается барка. А она летитъ уже, какъ скачущая лошадь, направляясь

прямо на скалистый берегъ, какъ разъ туда, гдѣ вода бросается на утесъ, превращая теченіе въ клокочущую пучину.

Кто пережилъ такой моментъ, тотъ никогда его не забудеть. Минуты кажутся часами, чувства цѣпенѣютъ, мысль стынетъ, замираетъ сердце, холодѣютъ руки. Тутъ нѣтъ ни храбрости, ни трусости, потому что нѣтъ врага, тутъ только одинъ ужасъ передъ грозной природой, неумолимой при оплошности или неумѣньѣ, но благосклонной къ опытности и мужественному духу увѣреннаго въ себѣ искусства.

Кажется, что барка вотъ-вотъ налетитъ уже на камень, къ которому мчится, что вотъ-вотъ сейчасъ раздастся трескъ удара, который сгубитъ и ее, и людей, и отъ котораго въ этомъ адѣ бѣшеннаго потока бесполезны всякія попытки спасенія. Но вѣдь такъ править сплавщикъ, онъ много разъ проходилъ тутъ и твердо знаетъ свое дѣло, Значитъ, такъ нужно, значитъ, нельзя избѣжать этого бѣшеннаго мѣста, нельзя не перенести такого ужаснаго мгновенья!

А барка мчится все впередъ, прямо на скалу. Вотъ, уже всего лишь нѣсколько сажень отъ камня. Торчащія впередъ потеси уже вошли въ клокочущую воду и затряслись, уже заколыхался носъ барки, уже стоитъ прямо передъ глазами этотъ боецъ — утесъ, въ своемъ грозномъ величій. Когда же, наконецъ?

„Носъ направо!“ вскрикиваетъ сплавщикъ, поймавъ моментъ поворота, „носъ направо“, вторитъ ему взволнованнымъ голосомъ помощникъ, нетерпѣливо махая руками. Рабочіе вздрагиваютъ, срываются со своихъ мѣстъ, наваливаются на потеси и, ударивъ ими по водѣ, отбрасываютъ носъ въ сторону отъ утеса. Коломенка моментально поворачивается плашмя къ камню и, обдаваемая брызгами пѣнящейся воды, проскальзываетъ около утеса въ разстояніи одной сажени, а то и того меньше.

Прошли. Снимаютъ шапки, крестятся. У всѣхъ отлегло на душѣ, но не надолго, — сейчасъ повторится опять то же, а потомъ опять и опять, и такъ четверо сутокъ.

Къ чему нужно было подвергать людей такому жестокому испытанію? Для чего нужно было гнать барку прямо на камень, въ самую пучину? Вѣдь рѣка достаточно широка, а весной и глубока, развѣ нельзя было пройти вдалекѣ отъ камня?

Да, идти прямо на камень безусловно было нужно. Какъ бы барка ни поплыла здѣсь иваче, она неминуемо погибла бы, единственное ея спасеніе — это именно пройти у самаго камня, едва не задѣвъ за его выступы.

Чтобы понять такой странный на первый взгляд фактъ, нужно знать, что представляет собой на Чусовой такъ называемая „струя“, и нужно собственными глазами видѣть ея силу.

На поворотѣ русла, около скалы, совершается сложное, бурное явленіе. Здѣсь именно сосредоточивается борьба воды съ камнемъ, и сюда собираютъ эти борцы свои силы. Скала расположилась на поворотѣ рѣки потому, что въ это мѣсто направленъ главный ударъ воды, и все другое, кромѣ скалы, песокъ, гравій и отдѣльные камни, все это сносится внизъ по руслу, измельчается въ порошокъ и отлагается гдѣ-либо на тихихъ поймахъ низовьевъ. Только одна скала можетъ устоять здѣсь на поворотѣ, и потому она одна только и осталась въ этомъ мѣстѣ въ видѣ каменнаго утеса.

Но въ свою очередь и вода, принявъ бой съ утесомъ, собираетъ сюда свою силу, единственную силу, которую она имѣетъ и которая заключается въ крутизнѣ ската и вызываемой имъ усиленной скорости теченія воды. Напирая на скалистое препятствіе, она скапливается здѣсь, вспучивается вверхъ въ видѣ замѣтнаго на глазъ возвышенія—водяного холма, съ котораго теченіе стремительно катится дальше внизъ по руслу. А въ то же время другія массы воды поднимаются вверхъ по наклонной косой поверхности утеса, отбрасываются вбокъ, падаютъ вѣеромъ обратно и съ бѣшеной стремительностью врѣзываются въ общую движущуюся поверхность рѣки, въ видѣ kloкочущей, пѣнящейся струи, рѣзко раздѣляющей русло на двѣ части. Здѣсь, по сю сторону потока, бурная, бѣшено мчащаяся лавина, зародившаяся у камня и постепенно расширяясь, охватившая все водное пространство вплоть до берега, а тамъ, подъ защитой вдающагося въ рѣку камня, за его выступомъ и далеко внизъ отъ него вдоль берега,—тихая гладкая поверхность «суводи» съ ея медленнымъ обратнымъ теченіемъ. А на грани этихъ двѣхъ рѣзко раздвоенныхъ частей рѣки, на «рубцѣ», какъ называютъ ее чусовскіе люди, крутятся, какъ волчки, одинъ за другимъ водовороты, быстро, вмѣстѣ съ пѣной, несущіеся внизъ по границѣ kloкочущихъ и спокойныхъ водъ, какъ будто стараясь примирить ихъ между собою.

Струя—это гроза чусовскаго сплава, гроза потому, что пересячь ее чусовская барка съ ея 4 потесами и 40 - 50 рабочими, совершенно не въ состояніи. Попавъ въ этотъ стремительный «потокъ въ потокѣ», судно съ такою силою сносится внизъ, что какъ бы сплавщикъ ни вертѣлъ его то вправо, то влево, и какъ бы рабочіе ни выбивались изъ силъ, имъ все-таки не вырваться изъ

этой бѣшеной скачки и не миновать удара о ниже лежащіе камни. Есть только одинъ способъ избѣжать подобной участи,—это именно идти прямо на камень въ самую вершину струи туда, гдѣ она только еще зарождается. Не пересѣкать ее нужно, когда она уже образовалась, а нужно обогнуть ее голову, нужно имѣть мужество броситься на утесъ и имѣть ловкость проскользнуть, не задѣвъ за выступъ. Нужно настолько обладать присутствіемъ духа, чтобы позволить баркѣ войти передней частью въ предѣлы бокового теченія, образующагося вдоль камня, того бокового теченія, которое въ предыдущемъ описаніи заколыхало носъ барки въ критическій моментъ поворота и котораго сплавщикъ ждалъ, окаменѣвъ въ своей позѣ. Одинъ ударъ потесей, одинъ только толчекъ въ сторону поворота, и это ударяющее въ носъ барки боковое теченіе моментально поворачиваетъ ее плашмя къ утесу. Обдаваемое пылью и брызгами всклокоченной воды, судно проскальзываетъ у камня и, миновавъ его, оказывается на «рубцѣ» по ту сторону бѣшеннаго потока.

Теперь струя уже обойдена. Передъ глазами тихая суводь, какъ бы манищая къ себѣ отдохнуть послѣ перенесеннаго испытанія. Но горе тому, кто поддастся обаянію этого коварнаго спокойствія. Стоитъ только увлечься тишиной, стоитъ только хотя немного ввести носъ въ неподвижную и даже обратно движущуюся воду суводи, какъ судно, оказавшееся въ двухъ рѣзко различныхъ теченіяхъ, съ силою выбрасывается струей впередъ.

Потеси ударяются въ берегъ и ломаются, а корма, оставшаяся въ предѣлахъ струи, увлекается внизъ, и барка оборачивается задомъ на передъ, «отуривается» какъ говорятъ на Чусовой. Еще моментъ, и она, лишенная правежа и подхваченная струей, погибаетъ у слѣдующаго камня. Чусовскіе сплавщики очень боятся суводей, образующихся за рубцами отброшенныхъ камнями струй, и держатся теченія, а не тихой воды, идя по самому рубцу и лишь очень полого выводя судно изъ бурнаго пространства.

Болѣе или менѣе опасныхъ струй на Чусовой не мало, но особенной славой, и притомъ вполне заслуженною, пользовался расположенный на лѣвомъ берегу камень Молоковъ. Уже одно это его названіе подсказываетъ не мало. Потому онъ и Молоковъ, говорятъ на Чусовой, что около него въ рѣкѣ течетъ не вода, а молоко, и нужна же причина, чтобы совершить подобное превращеніе.

Выступающая часть этого камня, послѣ катастрофы 1877 года отчасти уже взорванная, представляла собою, а частью представ-

ляетъ и теперь, откинутую назадъ и поставленную наискось къ рѣкѣ поверхность, на которую вода вкатывается высоко наверхъ и съ грохотомъ падаетъ сзади въ видѣ вѣра. Ревъ былъ такой, что вблизи камня голоса человѣческаго совсѣмъ не было слышно. А отброшенная камнемъ вода, вспѣнившаяся, какъ бы кипящая, прорѣзываетъ всю рѣку по косому направленію и достигаетъ противоположнаго праваго берега. Крупныя волны, какъ ихъ здѣсь называютъ—«майдавы», идутъ отъ камня внизъ по рѣкѣ, сначала правильными рядами, въ видѣ водяныхъ вазовъ, а затѣмъ, распространяясь внизъ по рѣкѣ, расходятся по всей ея ширинѣ, покрывая ее крутой, клокочущей зыбью. Каковы же были тамъ у камня силы, если отъ одного лишь мгновеннаго ихъ толчка возмущенная рѣка на огромномъ пространствѣ такъ долго не можетъ возстановить своего покоя?

А рядомъ съ этой картиной бурно несущихся водъ,—поразительное зрѣлище тихаго, спокойнаго пространства, рѣзко отдѣляющагося отъ вспѣнившейся молочной струи по далеко внизъ протянувшейся межѣ, какъ будто какой-то магической силой недопускающей бурныя волны за грань этого пристанища тишины и покоя.

Но, несмотря на всѣ бурныя и шумливыя явленія, совершающіяся у «Молокова», собственно у него самого крушеній почти никогда не бывало; гроза не здѣсь, а въ двухъ верстахъ ниже по рѣкѣ, у камня «Разбойникъ», окрещеннаго тоже очень краснорѣчиво. У «Молокова» испытаніе мужества и искусства, а у «Разбойника» гибель тѣмъ, кто не сумѣлъ овладѣть силами природы.

Можно себѣ представить, что дѣлалось на баркѣ, которой не удалось пересѣчь струю у «Молокова», что испытывали находящіеся на ней люди. Отчаянныя попытки сплавщика вырваться изъ струи совершенно тщетны. Блѣдные, растерянные, рабочіе изо всѣхъ силъ, до боли, бьютъ по водѣ потясями, по это ни къ чему не приводитъ. Коломенка бѣшено мчится внизъ и черезъ какихъ-нибудь пять минутъ ударится о „Разбойникъ“. А этотъ ударъ не щадитъ никого, скала выдается у этого знаменитаго бойца далеко впередъ, какъ закругленная каменная башня, въ нее суда ударяются прямо въ упоръ, какое тутъ можетъ быть спасенье? Развѣ остаются невредимыми паровозъ и вагоны, когда они съ полного хода налетаютъ на какую-нибудь преграду? Положимъ, у «Разбойника», какъ у нѣкоторыхъ другихъ бойцовъ, ставились прежде такъ называемыя заплывы,—нѣчто въ родѣ составленныхъ изъ громадныхъ

бревенъ пружинъ для умѣренія удара, но и это приспособленіе, послѣ двухъ-трехъ столкновеній, оказывалось переломаннымъ и тѣмъ еще болѣе усиливало опасность выдающимися концами бревенъ.

Увлеченная струей, барка приближается къ правому, привальному берегу и временами стучается объ его выступы бортами. Нельзя ли по крайней мѣрѣ остановиться здѣсь, зачалившись снастью за дерево или за поставленные нарочно для этой цѣли столбы, «схватиться», какъ говорятъ на Чусовой? На это одно въ данномъ мѣстѣ въ дѣйствительности и рассчитывали, чтобы спастись. Но легко сказать—схватиться, да какъ это сдѣлать въ такой бѣшеной скачкѣ? Можетъ быть, и удастся успѣть завести снасть на берегъ въ лодкѣ или спрыгнуть туда, взявъ съ собой конецъ каната, и закрѣпить его тамъ за что-либо. Но какъ задержать движеніе судна, когда отъ тренія снасти ухватъ горитъ огнемъ и иногда вовсе перегорааетъ, такъ что верхняя его часть отваливается, какъ отрѣзанная ножемъ. А если канатъ не выдержитъ и порвется, то убиваетъ на мѣстѣ того, кто подъ него подвернулся. Вѣдь барка по вѣсу равна товарному поѣзду, и скорость ея примѣрно такая же. Такъ легко ли было бы остановить на полномъ ходу товарный поѣздъ вытравленіемъ конца снасти? Удалось успѣть схватиться—счастье, не удалось—бросай барку на произволь судьбы, а люди спасайся, кто можетъ и кто успѣлъ, въ лодку ли, если она уцѣлѣла, на берегъ ли или прямо въ воду. Одинъ хватается за вѣтви и виснетъ на нихъ, стараясь выскочить изъ воды, другой спрыгиваетъ на камни, если они по близости подвернулись, или бросается около берега прямо въ воду, надѣясь добраться вплавь, а третій, растерявшись, въ паническомъ страхѣ не знаетъ что дѣлать и мечется по палубѣ, прося отчаянно о помощи. Кто можетъ ее ему оказать? Какая тутъ помощь, когда все совершающееся—дѣло нѣсколькихъ мгновеній.

А барка, предоставленная своей судьбѣ, несется дальше прямо на преграждающій ея путь утесъ.

Домчалась! Торчащія впередъ толкнувшіяся о камень потеси срываются съ гнѣздъ и ползутъ вверхъ, съ грохотомъ падая на палубу или воду. Раздается оглушительный трескъ.

Передняя часть барки сплющивается въ безформенную массу, переломанные брусья и доски, ломаясь и треща, ползутъ во всѣ стороны по камню. Захлебнувъ воды, барка быстро падаетъ носомъ на дно, а корма, подхваченная теченіемъ, лѣзетъ какъ что, то странное, уродливое кверху, лѣзетъ, гнется и ломается. Потеси-

снасти, доски, крыша, чугуны—все это летитъ внизъ въ перемежку съ людьми. Крики, стоны, трескъ дерева, грохотъ чугуна. Еще мгновеніе—и все смолкаетъ. И только обломки, выплывшіе наружу, спокойно плывутъ внизъ по рѣкѣ, безучастные къ драмѣ, которая здѣсь только что совершилась.

А вотъ другая барка ударила о камень не передней частью, а бортомъ. Проломивъ бокъ, она захлебывается одной стороною, крепится, становится на ребро и подъ напоромъ теченія поворачивается вверхъ дномъ. И плыветъ это опрокинувшееся судно внизъ по рѣкѣ, пока гдѣ-нибудь не обмелѣетъ. А знакомые съ картинами чусовскаго сплава мѣстные люди поскорѣе вырубаютъ днище, чтобы повытаскать изъ-подъ него трупы людей, которые были накрыты при крушеніи, и снасти тѣхъ, которые еще остались живы. Бываютъ тамъ подъ днищемъ и такіе.

Не всегда, конечно, ударъ о камень сопровождается такими ужасными послѣдствіями. Бываетъ, что ударившись и поломавшись, коломенка отуривается и продолжаетъ плыть, постепенно наполняясь водой. Рабочіе, вырубивъ палубу, потопчины или доски, соскакиваютъ на нихъ, а само судно, покинутое всѣми, погружается все больше въ воду, пока, наконецъ, окончательно не захлебнется. Утопла!

Между тѣмъ спасающіеся люди, цѣпляясь за свою крышу или импровизированный плотикъ, несутся по рѣкѣ внизъ, подхватываются струями, ныряютъ, снова появляются на водѣ и отчаянными криками молятъ спасти ихъ. Счастье, если по пути стоятъ на хваткѣ барки, или если эти несчастные поровнялись съ деревней, вообще если есть по близости люди. А если людей нѣтъ, кто услышитъ ихъ крики, кромѣ камней и лѣса, и долго ли вытерпятъ эти пловцы, пока окончательно не заковенѣютъ въ ледяной банѣ.

Таковы картины ужасовъ Чусовскаго сплава. Волгу считаютъ матушкой Руси, Днѣпръ называютъ широкимъ, Донъ—тихимъ. А если давать прозвища и другимъ рѣкамъ, то Чусовую слѣдовало бы назвать коварной. Вѣдь вообще, когда рѣчь идетъ о рѣкѣ, то обыкновенно мы рисуемъ ее себѣ въ видѣ привѣтливаго воднаго простора, влекущаго къ себѣ прелестью тихаго раздолья и вызывающаго поэтическое настроеніе красотой пейзажа. Тамъ пріятный успокоительный отдыхъ, а здѣсь эта каменная красавица Чусовая на каждомъ шагу готовитъ пловцу что-либо опасное или роковое.

Вотъ, на примѣръ, хотя бы слѣдующій за Разбойникомъ участокъ рѣки. Какъ будто успокоившись послѣ гнѣва у этого бойца и его

43303

вышележащаго товарища, Молокова, рѣка дѣлается спокойной. Подозрительное спокойствіе! Слишкомъ тихо течетъ здѣсь вода, совсѣмъ не по Чусовскому, навѣрное дальше готовится что-либо неожиданное. Прошли уже и камень „Пять Братьевъ“, пять похожихъ одинъ на другой отвѣсныхъ утесовъ; теченіе становится еще тише, точно рѣка превратилась въ полуозеро. А вотъ впереди уже и разгадка этого страннаго спокойствія. Показывается громадная отвѣсная стѣна—камень „Отметышъ“, врѣзывающійся въ рѣку почти на третью часть всей ея ширины и притомъ врѣзывающійся не внизъ по теченію и даже не поперекъ русла, а наискось вверхъ противъ общаго направленія потока. Можно себѣ представить, что дѣлается здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, гдѣ спруженная на предыдущемъ участкѣ вода прорывается около камня какъ сквозь открытый шлюзъ огромнаго водоема. Вода падаетъ въ этихъ воротахъ каскадомъ и мчится дальше, вздымая громадныя волны, протянувшіяся далеко внизъ по руслу правильнымъ рядомъ, рѣзко разграничивающимъ бурное теченіе струи отъ ровной поверхности суводи. Ни камень Молоковъ, ни другіе опасныя бойцы того же характера — Славщикъ и Печка, ни одинъ изъ нихъ не можетъ равняться по силѣ струи съ этимъ „отметывающимъ“ Чусовую камнемъ. И конечно его одного было бы достаточно, чтобы сдѣлать сплавъ на потесахъ по рѣкѣ совершенно невозможнымъ, если бы, по счастью, поворотъ не былъ здѣсь отлогій и если бы струя „Отметыша“ не располагалась вдоль общаго расположенія русла, не пересѣкая его отъ одного берега до другого, какъ у бойцовъ Молокова, Славщика и Печки.

Но все же струю и здѣсь нужно пересѣкать, и казалось бы, если она идетъ вдоль русла и никуда судна въ сторону не бросаетъ, то почему на нее и не войти и не плыть по ней дальше. Попробуйте, однако, попасть на эту струю вблизи камня. Ея поверхность значительно выше поверхности сосѣдней съ ней суводи и по поперечному уклону все плывущее по рубцу струи скатывается въ предѣлы водоворота. Бревна, доски, соръ,—все это втягивается въ водную низменность суводи и гонится обратнымъ теченіемъ вверхъ къ камню, тамъ снова заворачивается въ струю, опять мчится внизъ, снова увлекается въ суводь, возвращается къ камню и кружится такъ, то вверхъ, то внизъ, пока случайно гдѣ-нибудь не приткнется къ берегу или не выскочитъ наружу.

Конечно, судно не бревно и не доска, оно занимаетъ широкую полосу воды и ему не такъ легко скатиться въ суводь. Однако вотъ

уже и барку стало перекашивать, одинъ ея бортъ уже кренился туда, въ ложбину, колыхаясь на волнахъ и скрипя швами. Барка уже выходитъ бортомъ въ область водоворота, она сваливается туда все больше и больше и, въ концѣ концовъ, вовсе выталкивается всѣмъ своимъ тѣломъ.

Момента этого какъ будто только и ждала коварная Чусовая. Судно вдругъ останавливается и вслѣдъ за этимъ, какъ было, носомъ внизъ и кормой вверхъ, устремляется обратно вверхъ по рѣкѣ и ударяется о камень снизу въ его нижнюю поверхность.

Кто бы могъ ожидать такого оборота? И виданное ли это дѣло, чтобы судно плыло въ обратную сторону, вверхъ по рѣкѣ, мало того, чтобы тутъ же рядомъ одно судно шло внизъ, а другое двигалось ему навстрѣчу, точно два встрѣчныхъ поѣзда по двумъ парамъ рельсовъ? Это ли не неожиданность и не коварство со стороны каменной красавицы Урала!

Конечно, испытавъ такое положеніе, сплавщики уже берегутся и не входятъ на струю въ ея началѣ, гдѣ она еще крута и сердита. А если по какой-либо случайности барка все-таки попала въ суводь, то остается только одно—немедленно хвататься снастью за берегъ и тащить судно на шпиль внизъ по теченію.

— Что, братъ, назадъ въ Ревду поплылъ! Кланяйся тамъ нашимъ!—острять надъ такимъ злосчастнымъ сплавщикомъ проходящіе мимо.

А вотъ и еще примѣръ Чусовского коварства.

Сплавщикъ спокойно плыветъ по правой заостровкѣ въ такъ называемой Кріушѣ у Кыновскаго завода. Теченіе довольно тихое, ровное,—чего, кажется, опасаться. Иди себѣ прямо впередъ и держи носъ „щуккой“ вдоль рѣки по прямому направленію. Но вотъ уже островъ на исходѣ и только что барка вышла изъ-за его ухвостья, какъ теченіе, точно подкарауливая безпечнаго пловца, круто поворачиваетъ влѣво и стремительно бросаетъ туда носъ барки. Потеси толкаются о берегъ и ломаются, а то и сама барка поворачивается задомъ напередъ, что тоже здѣсь очень опасно въ виду слѣдующихъ вскорѣ грозныхъ бойцовъ Стѣнового и Мултыка.

Опять коварство! Кто же могъ ожидать, что у спокойнаго острова, благодаря тому, что въ лѣвый его рукавъ попадаетъ очень мало воды и что, выйдя изъ правой заостровки, теченіе бросается съ такой силой въ водную ложбину, образовавшуюся за ухвостемъ,—кто бы могъ ожидать, что благодаря этому здѣсь готовится сюрпризъ, грозящій роковыми послѣдствіями? Иди по тихой правой

заостровкѣ, но не поддавайся впечатлѣнію коварнаго покоя, держи все время наготовѣ носъ „наотрыскъ“ — направо, чтобы на выходѣ изъ за-островки боковой ударъ не засталъ врасплохъ и не повернулъ барку поперекъ русла.

Впрочемъ, и сплавщику тоже иногда удастся обмануть коварную Чусовую. Случается, напримѣръ, какъ это иногда бываетъ у Мосина и Лысана, что судно уже наваливается на камень, что оно уже вотъ-вотъ ударится задней частью объ выступающую часть скалы.

— „Корму“, — кричитъ сплавщикъ, отмахивая рукой прочь отъ камня. — „Носъ налѣво!“ — кричитъ онъ переднимъ рабочимъ, заставляя ихъ валить носъ прямо на камень.

Потеси ударяютъ, и барка поворачивается, — даетъ „костыля“. Носъ идетъ къ скалѣ, а корма, отойдя отъ утеса, проскальзываетъ назадъ за нею. Теперь остается только повернуть барку обратно въ прежнее положеніе, чтобы носъ не ударился въ берегъ. И, конечно, все это дѣло одного мгновенья. Спасти или погибнуть!

— „Носъ налѣво!“ — кричитъ сплавщикъ, топчя ногами и едва удерживаясь на мѣстѣ отъ волненія. — „Корму влѣво, корму, голубчики, сильно — гораздо!“ И барка снова вывертывается и проскальзываетъ у камня, иногда построговавъ объ его ребра своей обшивкой и вздрогнувъ отъ удара. Но слава Богу, кажется, обошлось благополучно. Однако надо мигнуть водолею, чтобы онъ спустился внизъ посмотрѣть днище и борта, нѣтъ ли гдѣ течи, и притомъ сдѣлать все это украдкой, незамѣтно, ибо рабочіе, испугавшись, могутъ побросать потеси и повыскакивать на берегъ.

Вообще Чусовая удивительно разнообразна. Почти каждый камень отбрасываетъ воду извѣстнымъ образомъ, каждый камень требуетъ извѣстной сноровки, и описывать здѣсь всѣ случаи расположенія теченій и вызываемыхъ ими маневровъ — совершенно невозможно. Каждая мѣстная подробность, коса, грунтъ береговъ, скорость теченія, — все это имѣетъ громадное значеніе и можетъ вызывать роковыя послѣдствія. Все это нужно имѣть въ виду, и потому сплавщикъ долженъ знать Чусовское русло, какъ свою ладонь. Мало того, онъ долженъ ясно представлять себѣ все русло въ воображеніи, потому что вѣдь весной оно покрыто водой, нужно мысленно угадывать, гдѣ именно тамъ, подъ водой, кончается коса, гдѣ располагается выступъ камня и проч. Всякій поворотъ рѣки грозитъ баркѣ крушеніемъ, если не вслѣдствіе опасности поворота самого по себѣ, то вслѣдствіе тѣсноты, или просто потому, что поврежденные суда стоятъ

на мысу у берега, загородивъ дорогу другимъ. Часто одна барка догоняетъ другую и прижимаетъ ее въ мели. Не мало вредитъ также вѣтеръ. Наконецъ, кромѣ опасностей, вызываемыхъ поворотами и бойцами, есть и опасности другого рода. Бываютъ, на примѣръ, случаи крушеній при причалѣ барки къ берегу, на вочлегъ или для починки, вслѣдствіе удара о подводные камни или выступы скалы. Губитъ также суда ледъ, выходящій изъ притоковъ Чусовой—Серебрянки, Россольной, Койвы и Усьвы, которые текутъ съ сѣвера и въ которыхъ ледоходъ бываетъ позже, чѣмъ въ Чусовой, иногда какъ разъ во время сплава.

Но главная опасность, которая была, такъ сказать, органически присуща Чусовскому сплаву — это, конечно, самый способъ управленія баркой потесами, слишкомъ слабыми для борьбы съ чудовищной силой бурнаго потока. Что можетъ сдѣлать развиваемое рабочими боковое давленіе потесей въ 100 - 120 пудовъ, если сопоставить это сравнительно ничтожное усиліе съ энергіей, развивающейся при движеніи 15 - 18 тысячъ пудовъ груза со скоростью 20 - 25 верстъ въ часъ? Это все равно, какъ если бы, напр., пустить товарный поѣздъ полнымъ ходомъ безъ рельсовъ по гладкой поверхности и направлять его шестами съ помощью 50 рабочихъ! Много ли этотъ поѣздъ слушался бы, куда его шесты толкають? Ясно, что при такомъ соотношеніи силъ, потеси — это только средство для поворота барки, а не для бокового перемѣщенія, и въ подобныхъ условіяхъ движенія сплавщику оставалось только одно—изучить само по себѣ теченіе рѣки, поискать, нѣтъ ли въ немъ самомъ, въ его свойствахъ и въ движеніи судовъ такихъ явленій, которыми можно было бы воспользоваться въ данномъ случаѣ, на которыхъ можно было бы основать теорію сплава. И этотъ безграмотный или полуграмотный сплавщикъ, безъ помощи ученыхъ спеціалистовъ и безъ помощи науки, которая, встати сказать, была бы даже бессильна ему помочь въ этомъ случаѣ, создаетъ эту теорію, создаетъ лишь съ помощью тонкой своей наблюдательности и того глубокаго пониманія явленій природы, которыми такъ щедро одарены простые русскіе люди.

Мы входимъ здѣсь въ область замѣчательной самобытности русскаго судоходства,—самобытности, равной которой нѣтъ ни у одного другого народа въ мірѣ. Недаромъ же и сама Русь расширилась именно по рѣкамъ, не даромъ она выплыла на ладьяхъ изъ своей исторической колыбели. Нужно же было для этого сродниться съ рѣками, научиться понимать ихъ глубокую сущность,

полюбить ихъ. И замѣчательный фактъ, — много жертвъ брала Чусовая у народа и много ужаса вызывала она въ участникахъ сплава, но не вызвала она къ себѣ ненависти и злобы, ее все-таки любятъ нѣжной народной любовью, несмотря на всю суровость ея природы.

Конечно, картины самобытнаго русскаго судоходства — это область спеціальная, читателямъ можетъ быть скучно вникать въ тонкости рѣчныхъ явленій. И все-таки это не можетъ остановить меня отъ краткаго хотя бы ихъ описанія. Мы слишкомъ равнодушны къ дарованіямъ нашего народа, мы не цѣнимъ его изобрѣтательности и не замѣчаемъ тѣхъ заслугъ, о которыхъ онъ по своей скромности не кричитъ самъ. Пусть факты, которыхъ я касаюсь, имѣютъ спеціальнѣйшій характеръ, и все-таки пусть читатель поскучается со мной въ ознакомленіи съ ними, онъ обязанъ это сдѣлать во имя изученія своего народа, котораго не знаетъ.

Впрочемъ, скажутъ, можетъ быть, что какая же это заслуга — создать сплавъ, который требовалъ такъ много жертвъ, неужели же нельзя было выработать что-либо болѣе спокойное и безопасное? Да, можно было выработать и въ концѣ концовъ, какъ увидимъ ниже, это и было выработано впоследствии, почему нынче Чусовской сплавъ прежнихъ опасностей уже не представляетъ. Но это стало возможно только сейчасъ, и не было возможно тогда, при другихъ условіяхъ. Упреки въ опасности системы сплава относятся не къ сплавщикамъ, они берутъ условія, какія есть, не въ ихъ власти измѣнить ихъ къ лучшему. Отъ нихъ требовали способъ сплава именно на потесахъ, который тогда былъ неизбеженъ, и они этого достигли. Тѣмъ большая честь имъ и слава, если они нашлись даже въ такихъ условіяхъ, когда чуть ли не каждый шагъ грозилъ гибелью людей и товара.

И такъ, въ чемъ же дѣло? — Дѣло въ тѣхъ тонкостяхъ теченія, о которыхъ я только что упомянулъ, какъ о скучномъ дѣлѣ, и которыя вкратцѣ сейчасъ характеризую.

Какъ упомянуто было выше, если потеси такъ слабы для перемѣщенія барки среди бурнаго потока, если ихъ роль сводится только къ направленію судна по тому или иному направленію, то гдѣ же въ такомъ случаѣ искать средство для избѣжанія опасностей русла, какъ не въ самыхъ свойствахъ движенія? И это средство нашлось во всевозможныхъ изощреніяхъ для образованія разности въ скоростяхъ движенія барки и окружающей ее воды. Сплавщики Чусовой, безъ всякой науки и даже идя въ этомъ отношеніи вперед

ей, давно уже выяснили, что всякій вообще плывущій по рѣкѣ предметъ движется быстрѣе окружающей воды, и что это свойство „зарѣзыванія“, какъ его на Чусовой называютъ, можно въ извѣстной степени усилить, придавая судну соотвѣтствующія очертанія и устройство.

Для движенія въ водѣ теорія ищетъ форму тѣла наименьшаго сопротивленія въ очертаніяхъ утолщенной впереди рыбы или извѣстно въ послѣднее время такъ называемой тетраэдрической формѣ судовъ, тоже утолщенныхъ впереди. А чусовскіе мастера и безъ науки давно уже строятъ барки въ передней части шире, чѣмъ въ задней, чтобы судно „разводило струю“, и грузятъ ихъ нѣсколько болѣе спереди, чтобы судно не было „вертляво“, но и не было „упористо“, если очень пересолить въ этомъ отношеніи.

Впрочемъ, это такъ — къ слову. Во всякомъ случаѣ, именно на свойствѣ плывущей барки опережать воду и вообще на разницѣ въ скоростяхъ движенія судна и воды была построена система Чусовскаго сплава на потесахъ. И знакомясь здѣсь съ картинами этого сплава, намъ приходится хотя бы ненадолго войти въ спеціальную область этихъ явленій.

И такъ представимъ себѣ, что судно отваливаетъ отъ берега, напримѣръ—отъ лѣваго, это все равно. Отдается снасть, и сплавщикъ прежде всего отводитъ отъ берега корму. При этомъ теченіе, напирая въ лѣвый бортъ барки сзади, толкаетъ и всю ее на рѣку. Одновременно работаютъ, конечно, и потесами, но такъ, чтобы теченію былъ подставленъ все тотъ же бортъ и, слѣдовательно, чтобы носъ былъ постоянно нѣсколько обращенъ влѣво, т. е. къ тому берегу, отъ котораго произошелъ отвалъ. Въ такомъ положеніи поддерживается барка до тѣхъ поръ, пока она идетъ тише воды. Но вотъ, наконецъ, ея движеніе выравнивается съ водой. Плывущій на поверхности рѣки соръ, пѣна и проч., движется теперь вровень съ баркой. Судно уже раскатилось настолько, что сравнялось со скоростью окружающей воды, и вслѣдъ за этимъ оно начинаетъ уже и опережать воду, такъ что все плывущее съ нимъ рядомъ замѣтно отъ него отстаетъ. Съ этого момента наступаетъ зарѣзываніе, и какъ только сплавщикъ его замѣтилъ, онъ тотчасъ же поворачиваетъ барку вправо, т. е. носомъ туда, куда нужно перевалить.

Въ примѣрѣ этомъ мы видимъ три періода бокового перемѣщенія барки: первый,—когда она шла медленнѣе воды, второй,—когда она шла наравнѣ съ нею, и третій,—когда шла быстрѣе воды. Соотвѣтственно этимъ тремъ періодамъ, существуетъ и три ходовыхъ по-

положенія барки: „корма наотрыскъ“, когда судно идетъ тише воды и подставляетъ свой бокъ теченію, направленному сзади; „щукой“,— когда судно направлено какъ разъ по направленію струи и когда оно идетъ или паравнѣ съ водой или, вообще, не имѣетъ нужды пользоваться разностью скоростей, и „въ зарѣзъ“,—когда оно идетъ быстрѣе воды и пользуется этимъ свойствомъ для передвиженія по направленію носа.

Вотъ три положенія, которыя, въ совокупности съ дѣйствіемъ потесей, составляютъ средство для управленія во время чусовского сплава. Но это еще только одна сторона дѣла. Зарѣзываніе работаетъ всегда, оно важно, какъ постоянное воздѣйствующее средство, но оно тоже, въ свою очередь, недостаточно сильно для выполненія всѣхъ нужныхъ маневровъ, особенно на быстрыхъ поворотахъ у бойцовъ. Въ этихъ случаяхъ приходится пользоваться мѣстными условіями движенія, пользоваться тѣмъ, что въ самомъ потокѣ существуютъ обособленныя теченія, которыя обладаютъ различными скоростями, какъ это мы отчасти и видѣли уже въ примѣрахъ образованія струй. Притомъ комбинацій явленій этого рода такъ много, что весь процессъ чусовского сплава собственно и заключается въ пользованіи мѣстными условіями, а самое искусство сплавщика состоитъ въ точномъ знаніи этихъ условій и умѣньѣ воспользоваться ими. Вотъ уже съ полною увѣренностью можно сказать, что ни на одной рѣкѣ спеціалисты не изучили такъ точно распредѣленіе теченія воды, какъ изучили его чусовскіе сплавщики для своего дѣла.

Каждому расположенному въ привалѣ на вогнутомъ берегу бойцу предшествуетъ болѣе или менѣе крутой поворотъ рѣки съ выпуклымъ берегомъ, называемымъ „мысомъ“, каменнымъ или мягкимъ, смотря по силѣ теченія и свойствамъ грунта. И естественно, казалось бы, что для того, чтобы избѣжать удара о боецъ, нужно держаться возможно дальше отъ камня, то есть итти возможно ближе къ противоположному выпуклому берегу.

Но какимъ это условіе не кажется простымъ въ такомъ элементарномъ обобщеніи, какая, въ дѣйствительности, сложная, можно сказать, ажурная работа потребовалась для того, чтобы выработать способы прохода барокъ у бойцовъ, и какое при этомъ оказалось разнообразіе въ приемахъ! Въ одномъ мѣстѣ иди вплотъ у берега, въ другомъ—подальше отъ него, въ одномъ—держи носъ на отрыскъ, въ другомъ, щукой или съ зарѣзу. Что ни поворотъ, что ни боецъ, то и свои особенности, свойственныя только одному этому мѣсту.

Вотъ, наприимѣръ, камень Шилко. На нѣкоторомъ разстояніи передъ поворотомъ къ нему, какъ разъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы уже начать приближаться къ выпуклому берегу, расположилась коса, которая хотя и затопляется весной, но все-таки отклоняетъ теченіе, а ниже себя, на мысу, образуетъ тиховодъ. Если сплавщикъ войдетъ въ этотъ тиховодъ, потеряетъ скорость барки, то потеряетъ ее инерцію, которую нужно здѣсь беречь. И когда вслѣдъ затѣмъ онъ выйдетъ на поворотъ, т. е. выйдетъ какъ разъ на самое критическое мѣсто противъ камня, то вновь усилившееся здѣсь теченіе подхватитъ обезсиленную инерціей барку и увлечетъ ее къ камню. А между тѣмъ этого бы не случилось, если бы, миновавъ вышеупомянутую затопленную косу, сплавщикъ не вошелъ въ тиховодъ, а придержался края быстрой воды. Барка сохранила бы при этомъ до самаго поворота значительную скорость движенія и была бы въ состояніи посредствомъ зарѣзыванія удержаться вдалекѣ отъ камня. И въ первомъ, и во второмъ случаѣ судно было бы на поворотѣ мыса въ одномъ и томъ же положеніи и въ одинаковомъ разстояніи отъ берега, но результаты прохода окажутся совершенно различными, смотря потому, по какому пути оно подошло къ этому критическому мѣсту и какою имѣло при этомъ скорость.

А вотъ другой камень — Бражка, который, благодаря быстротѣ теченія, считается однимъ изъ самыхъ опасныхъ бойцовъ, но, къ счастью, мысъ у него не имѣетъ ни выступовъ, ни огрудковъ, берегъ закругляется правильно и представляетъ собою мягкій глинистый обрывъ, отъ подошвы котораго идетъ къ водѣ низкій песокъ, весной покрываемый достаточно глубокимъ слоемъ воды.

Однимъ словомъ, такой удобный мысъ—чуть ли не единственный на рѣкѣ, и проходить его, держа корму вилоть у берега, такъ что она мутитъ воду. А носъ все время держать „на отрыскъ“, на рѣку, чтобы само теченіе прижимало судно къ мысу. Такъ жметъ здѣсь судно къ берегу, сторонясь отъ быстрого теченія стржня, нова это возможно. Но вотъ, наконецъ, уже и на мысу теченіе стало усиливаться, берегъ уже круто поворачивается за поворотъ, вода съ мыса уже сваливается и корму тоже начинаетъ сносить на рѣку.

Насталъ критическій моментъ. Носъ налѣво!—кричитъ сплавщикъ, и передняя часть судна, круто повернувъ влѣво, входитъ въ образовавшееся за мысомъ затишье. А въ это время корма, еще находящаяся на быстромъ теченіи, напоромъ сзади, выталкивается за мысъ и даетъ возможность пройти на поворотъ, не опустившись къ камню. Это возможно только при томъ условіи, если все время

жаться къ берегу и поймать моментъ, когда нужно проскочить въ тиховодъ за поворотомъ.

Кажется—удачный пріемъ, и почему бы его и не примѣнять всегда, тамъ, гдѣ на мысу нѣтъ подводныхъ препятствій? Но попробуйте поступить такъ же, напр., у камня Балабана. Въ этомъ мѣстѣ поворотъ мыса такъ расположенъ и до такой степени крутъ, что отъ вышеописаннаго маневра ничего, кромѣ пагубныхъ послѣдствій, не выйдетъ. Чтобы ввести здѣсь носъ за мысъ, корму пришлось бы настолько далеко опустить на рѣку, что и вся барка была бы снесена къ камню. Помимо теченія, огромную роль играетъ, слѣдовательно, и самое очертаніе выпуклаго берега, причемъ и въ этомъ отношеніи—какое разнообразіе условій. У камня „Сарафаннаго“, на примѣръ, хотя и возможно было бы завести носъ въ тихую воду, образовавшуюся за поворотомъ, и хотя при этомъ теченіе такъ же, какъ у Бражки, выталкиваетъ въ тиховодъ всю барку, но здѣсь при такомъ маневрѣ потеси ударяются въ берегъ, а это, конечно, очень опасно.

Много можно было бы привести и другихъ примѣровъ значенія различныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, обуславливающихъ тотъ или иной способъ прохода барки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступаетъ, на примѣръ, на днѣ славецъ въ видѣ щетки, которая обдираетъ днище, если барка за него зацѣнетъ, въ другихъ мѣстахъ на мысахъ располагаются подводные камни или огрудки, за которые можно зацѣть, причемъ, помимо поврежденій, въ самый критическій моментъ можно вызвать поворотъ барки задомъ напередъ, лишившись возможности обойти камень.

Однимъ словомъ, что ни камень, мысъ или островъ, то и особый способъ прохода. Это сплошной рядъ самыхъ разнообразныхъ пріемовъ и ихъ комбинацій, и притомъ у различныхъ сплавщиковъ не всегда одинаковыхъ. Одинъ рассчитываетъ пройти такъ, другой иначе,—какое поле для находчивости и изобрѣтательности! И притомъ все это должно быть самымъ точнымъ образомъ согласовано съ мѣстными условіями теченія и рельефамъ русла. Можно себѣ представить, какъ много нужно помнить, какую нужно имѣть память, чтобы почти шесть сотъ верстъ рѣки совершенно ясно имѣть въ головѣ послѣдовательно шагъ за шагомъ, представляя ее себѣ въ воображеніи со всѣми мельчайшими подробностями совершающихся явленій. На большихъ рѣкахъ и всѣ изгибы, острова, перевалы и проч. имѣютъ значительные размѣры, общее ихъ число тамъ не велико. А здѣсь на каждой верстѣ цѣлый рядъ мелочей,

которыя имѣютъ громадное значеніе и которыя нельзя упускать изъ виду. И само собою разумѣется, что къ такому дѣлу сплавщикъ долженъ подготовляться много лѣтъ, а потомъ и послѣ достиженія этого званія долженъ постоянно практиковаться, не забрасывая ремесла, потому что подробности русла забываются скоро.

Чтобы попасть въ сплавщики, нужно быть принятымъ въ ученики. Этого трудно добиться, нужна протекція и нужны извѣстные задатки. Немало было примѣровъ, что изучивъ рѣку и вообще подготовивъ себя къ сплавному дѣлу, сплавщикъ оказывался въ концѣ концовъ негоднымъ и долженъ былъ отказаться отъ этого занятія. Прежде всего, конечно, нужно имѣть хорошую, «глубокую», какъ говорятъ сплавщики, память. А кромѣ званія русла нужны извѣстныя личныя качества,—смѣлость, энергія, присутствіе духа, умѣнье внушить къ себѣ уваженіе со стороны рабочихъ. Съ трусливымъ характеромъ поступать въ сплавщики нечего и думать—погубишь и себя, и другихъ. Нужно кстати замѣтить, что у многихъ сплавщиковъ есть свои мѣста, которыхъ они больше всего боятся: у одного, напримѣръ, камень «Гребешки», у другого, «Косой переборъ», «Волеговъ», «Узенькій», «Разбойникъ» и т. д. Не задалось пройти одинъ разъ какое-нибудь мѣсто, и сплавщикъ теряетъ здѣсь увѣренность въ себѣ. Смѣло идетъ по всей рѣкѣ, а тутъ чувствуетъ безпокойство, и какъ гора сваливается, когда пройдетъ это мѣсто.

Обыкновенно сплавщики берутъ въ ученіе своихъ сыновей, и иногда начинаютъ приучать ихъ съ малыхъ лѣтъ. Нерѣдко приходилось видѣть, что рядомъ со сплавщикомъ, на его скамейкѣ, стоитъ мальчуганъ, повторяющій команду своимъ тоненькимъ голоскомъ. Но въ большинствѣ случаевъ въ ученіе поступаютъ, конечно, взрослые. Проплававъ ученикомъ три или четыре года, а то, смотря по способностямъ, и больше, учениковъ соединяютъ по два, довѣряя имъ двоимъ одну барку. Это называется работать въ половинѣ. Если плаваніе половинщиковъ было благополучно, то по прошествіи опять трехъ или четырехъ лѣтъ, cadaго изъ половинщиковъ дѣлаютъ уже сплавщикомъ и довѣряютъ по баркѣ.

Достиженіемъ званія сплавщика карьера его не оканчивается, впереди у него еще много. Въ первые годы ему довѣряютъ болѣе дешевый товаръ,—чугунъ, непортящійся отъ потопленія въ воду. Вѣдь Чусовая воюетъ только съ тѣми, которые плывутъ, а грузъ отдаетъ обратно, его по большей части удается по спадѣ воды вытащить. Потомъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, если репутація сплавщика не поколебалась ни однимъ серьезнымъ случаемъ,

его переводятъ на болѣе цѣнный товаръ и увеличиваютъ плату за сплавъ съ 30 - 35 рублей до 45 - 50 р. Наконецъ, особенно опытныхъ, искусныхъ и заслуженныхъ сплавщиковъ ставятъ на такъ называемыя казенки и платятъ уже по 60 - 70 рублей. Быть сплавщикомъ на казенкѣ — такая честь, которой достигаютъ очень немногіе. Казенка — это коломенка, на которой устраивается помещеніе для караванныхъ довѣренныхъ или приказчиковъ; въ каждомъ караванѣ ихъ бываетъ двѣ или больше, смотря по числу отправленныхъ заводомъ барокъ. Въ первой ѣдетъ главный управляющій, а въ слѣдующихъ приказчики. Онѣ дѣлаются обыкновенно прочіе рядовыхъ барокъ, и для безопасности на нихъ назначаютъ большее число рабочихъ. На длинномъ шестѣ, посрединѣ палубы, ставится разукрашенная звѣзда — «глазь», по которому казенка издалика отличается отъ прочихъ барокъ. А это нужно, потому что на казенкахъ находятся запасныя принадлежности и при нихъ же косныя лодки съ якорями и снастями для съезокъ обмелѣвшихъ судовъ. «Косные» — это тоже почетная должность, но только не для сплавщиковъ, а для рабочихъ. Каждому полагается красная рубаха, штаны и шляпа съ лентой условнаго въ караванѣ цвѣта.

А рабочіе? Что сказать о нихъ, объ этой живой силѣ, булькающей по водѣ потесями и отдающей свои жертвы водной стихіи? Прежде всего о нихъ нужно сказать то, что это была язва чувсовскаго сплава и что тѣ опасности, которыя плывущіе встрѣчали въ грозномъ руслѣ рѣки, усиливались во много разъ и доводились до крайности подъ воздѣйствіемъ возникшаго на Чусовой во время сплава рабочаго вопроса.

Такъ какъ на Чусовой сплавлено въ прежнее время до 1.000 барокъ и на нихъ требовалось болѣе 30.000 рабочихъ, которыхъ въ прибрежномъ населеніи получить было невозможно, то большую ихъ часть приходилось собирать изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностей, преимущественно изъ Кунгурскаго уѣзда, Пермской губерніи, изъ Вятской губ. и даже отчасти изъ татаръ Лаишевскаго уѣзда, Базанской губерніи. Всѣ эти мѣстности исключительно земледѣльческія, никакихъ промысловъ въ нихъ нѣтъ и добыть денегъ для уплаты податей, кромѣ земледѣлія, здѣсь негдѣ. Есть тамъ всегда цѣлая масса педоимщиковъ, которымъ и платить нечѣмъ, и заработать негдѣ. Вотъ этихъ то людей по существовавшему прежде порядку и записывали на чувсовской сплавъ черезъ волостныя правленія. При этомъ обыкновенно составлялась артель съ однимъ общимъ контрактомъ и круговою порукою всѣхъ за

каждаго въ отдѣльности. Плата назначалась отъ 8 р. для нижнихъ приставей до 12 р. для верхнихъ, и половина и даже большая часть этихъ денегъ передавалась прямо въ волостныя правленія въ зачетъ податей, такъ что за ихъ вычетомъ рабочему приходилось дополучить рубля 3 или 4, изъ которыхъ по приходѣ на пристань выдавали еще по рублю, а остальные два рубля, а иногда и того меньше, рабочій получалъ уже въ Перми по окончаніи сплава. Сверхъ денежной платы, на каждого рабочаго полагались харчи для пропитанія во время сплава: по $1\frac{1}{2}$ - 2 пуда муки, а на нѣкоторыхъ пристаняхъ еще по 5 ф. мяса и по одному фунту соли. Плата считалась по 1 мая, причемъ въ контрактѣ оговаривалось, что если сплавъ затянется дольше, то рабочіе обязаны оставаться до 10 и даже до 15 мая, и только по истеченіи этого срока нанимающіеся имѣютъ право выбрать, остаться ли еще дальше или уйти домой. За дни послѣ перваго мая полагалась отдѣльная по-денная плата, до 6 мая по 30 - 50 коп. въ день, а съ 6 мая — по 60 - 70 коп.

На тѣхъ пристаняхъ, гдѣ число отправляемыхъ барокъ было незначительно, удавалось набрать весь комплектъ рабочихъ между прибрежными жителями, и эти пристани были самыя счастливыя въ этомъ отношеніи. Не говоря уже о громадныхъ общихъ неудобствахъ, которыми сопровождалась необходимость въ пришломъ бурлачествѣ, и по качеству своему, между бурлаками изъ чусовскихъ прибрежныхъ жителей и бурлаками изъ пришлыхъ земледѣльцевъ огромная разница. Чусовской житель привыкъ къ работѣ на потесахъ и къ условіямъ сплава. Онъ не знаетъ фарватера рѣки и самъ не сплавилъ бы барки, но онъ хорошо понимаетъ значеніе всѣхъ приѣмовъ управленія и относится къ командѣ сплавщика осмысленно, вполне сознавая важность быстрого и точнаго ея исполненія и опасность, которую влечетъ за собою какое-либо упущеніе. Чусовскіе рабочіе впередъ знаютъ, что скомандуетъ сплавщикъ; имъ нуженъ только моментъ, а какъ только онъ наступилъ, они работаютъ какъ одинъ человѣкъ, «однимъ сердцемъ», какъ говорятъ на Чусовой. И въ то время, какъ пришлыхъ бурлаковъ ставятъ 40 - 45 человѣкъ, чусовскихъ рабочихъ, напримѣръ, изъ Демидовой-Утки достаточно 30 - 35 человѣкъ, и можно быть увѣреннымъ, что у нихъ барка будетъ въ меньшей опасности, чѣмъ у пришлыхъ. Работой утчанъ, которые особенно славились на Чусовой въ этомъ отношеніи, можно было любоваться. Громаднѣйшія бревна, служація потесами, въ ихъ рукахъ производили

впечатлѣніе легкихъ, послушныхъ игрушекъ. А у пришлыхъ бурлаковъ работа не сворится; одинъ начнетъ раньше, другой позже, исполненіе команды запаздываетъ и часто выполняется не совсѣмъ вѣрно, барка вертится и идетъ не ровню, что сплавщику прямо горе. Для возможнаго ослабленія этихъ недостатковъ, принято даже было за правило ставить къ заостренному концу потеси, къ такъ называемой «губѣ» — подгубщика, который долженъ былъ слѣдить за командой и давать починъ работѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ пришлые рабочіе большіе труссы. При малѣйшей, можетъ быть даже и ложной тревогѣ, иногда въ самую критическую минуту, они бросаютъ свои мѣста и выпрыгиваютъ на берегъ, предоставляя барку на произволъ судьбы. А въ случаѣ дѣйствительной опасности или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ иногда потесами людей сбрасываетъ въ воду, они, напротивъ, не остерегаются и весьма нерѣдко бывають жертвами сплава, только по своей неопытности и нерасторопности.

Но эти недостатки пришлыхъ рабочихъ все-таки еще ничего, съ ними можно было бы какъ-нибудь мириться, на примѣръ, примѣшивать ихъ къ чусовскимъ рабочимъ, что обыкновенно и дѣлается. Главнѣйшее неудобство, такъ сказать, язва чусовского сплава, заключалась въ подневольномъ характерѣ найма рабочихъ черезъ волостныя правленія для уплаты недоимокъ въ податяхъ. Вѣдь при этомъ наймѣ не разбирали, кому хочется и можно идти и кому нельзя. Иди — и все тутъ. А сплавъ нерѣдко затягивался до 10 и даже 15 мая, между тѣмъ 23 апрѣля уже «Егорій বেশій», только «лѣнивая соха» не выѣзжаетъ на пашню. А перваго мая «Еремѣй-запрягальникъ», — не запрягъ лошадь, незабороздишь на ней по полю — оставайся круглый годъ безъ хлѣба. Хорошо, если дома есть кому работать, а если тамъ ничего не осталось, то и весь годъ голодать придется. Между тѣмъ деньги получены волостнымъ правленіемъ почти всѣ впередъ, и на руки остается получить всего какихъ-нибудь два рубля, которые рабочій и проѣсть дорогой, потому что изъ дому на сплавъ нужно прошагать верстъ 700, а то и до тысячи, да вернуться обратно съ Камы домой тоже нѣсколько сотъ верстъ. Вѣдь это только у насъ, на нашей матушкѣ Руси возможны такія картины, чтобы народъ брелъ тысячи верстъ пѣшкомъ на работу за нѣсколько рублей. Сколько одной обуви и одежды за это время изнашивается, а о мозоляхъ и рѣчи нѣтъ, мужицкія ноги ихъ не рассматриваютъ и не выводятъ.

Бываютъ, конечно, и штрафы за опозданіе прибыть на пристань или за неявку на работу во время спешки и погрузки ба-

рокъ, а такъ какъ договоры рабочихъ были артельные, съ круговой порукой, то всё эти вычеты ложились также и на нихъ въ чемъ непозволительныхъ прочихъ рабочихъ. Сюда же присоединялись вычеты задаточныхъ денегъ тѣмъ рабочимъ, которые были включены въ артель и вовсе не явились на сплавъ. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ рабочему по окончаніи сплава нерѣдко приходилось получить всего нѣсколько копеекъ, или вовсе ничего не приходилось, а то такъ причиталось еще съ него же. Часто случалось встрѣчать гдѣ-либо въ селеніи или на берегу Чусовой толпу бурлаковъ, уцѣлѣвшихъ съ погибшей барки. Котомки ихъ утонули, и они остались въ однихъ рубашкахъ, безъ хлѣба и безъ копѣйки денегъ, за тысячу верстъ отъ дома, подбираясь кое-какъ милостыней. По счастью еще не забыто было тогда въ простомъ народѣ Христово имя, еще утоляла по деревнямъ голодь протянутая рука, и еще возможны были голые бурлаки, колесившіе вдоль и поперекъ Россію съ дофденной еще вчера краюшкой хлѣба!

Таковы условія, въ которыя былъ поставленъ чусовской рабочій, переносившій во время сплава всевозможныя лишенія и постоянно подвергавшій свою жизнь опасности. Было у него впрочемъ и утѣшеніе—кабакъ, которымъ онъ и пользовался, насколько позволяли ему это удовольствіе его скудные гроши. „Пити есть веселіе Руси“, сказано намъ въ зачаткахъ нашей исторіи. А впоследствии къ этому изрѣченію добавленъ былъ другой совѣтъ: „топи въ винѣ свою горькую долю“.

Что, кромѣ принужденія, могло удерживать на Чусовой пришлыхъ рабочихъ? Пока время есть до сѣва, пока дома еще дѣлать нечего, они остаются, хотя бы для того, чтобы доплыть до Перми на баркѣ вмѣсто того, чтобы идти туда пѣшкомъ, да для того, чтобы получить тамъ остальные деньги. Но если сплавъ вслѣдствіе затянувшейся весны продолжился дольше 1 мая, то рабочіе забирали котомки и уходили домой, не обращая вниманія ни на какіе контракты. Терять имъ было нечего, потому что получить имъ почти ничего не приходится, дома разыскать обратно полученные деньги тоже не изъ чего, а до товарищей, которые поплотятся въ круговой поруку—имъ нѣтъ дѣла. Впереди же сплавъ, который неизвѣстно когда окончится, да еще со всѣми его опасностями и лишеніями. Прочимъ, участвовавшимъ въ артели, оставаться тоже было невыгодно, такъ какъ на нихъ падеть денежная отвѣтственность за ушедшихъ. Круговая порука шла до конца, и побѣги получали массовый характеръ. Ничто въ этихъ случаяхъ не помо-

гало, ни увѣщанія, ни угрозы, ни полиція, и если иногда удавалось задержать рабочихъ, то только новыми сдѣлками съ добавочной платой.

Года съ позднимъ, затянувшимся сплавомъ причиняли поэтому Уральскимъ заводамъ огромные убытки. Большое число рабочихъ приходилось нанимать вновь, тотчасъ же, по какой угодно цѣнѣ, чтобы добыть рабочихъ приходилось даже останавливать заводы. Принимались при этомъ все безъ разбора, даже женщины и дѣти, а это, конечно, очень пагубно отражалось на сплавахъ.

Но и это еще все-таки ничего бы, и съ бабами, и съ дѣтьми, сплавщики выплыли бы кое-какъ по удобной водѣ, если бы заводоуправленія, подъ страхомъ остаться безъ рабочихъ, не теряли благоумія и не подвергали грузъ и людей непростительному риску. Нужно замѣтить, что сплавъ затягивается вслѣдствіе двухъ причинъ—или при мелководьѣ, вслѣдствіе обмелѣнія каравана, или же, напротивъ, вслѣдствіе избытка воды. Въ первомъ случаѣ все неприятели ограничиваются расходами на наемъ новыхъ рабочихъ вмѣсто бѣжавшихъ и не пожелавшихъ ждать окончанія сплава, да пререканіями по поводу вторичнаго выпуска изъ Ревдинскаго пруда, который по своимъ значительнымъ размѣрамъ одинъ только и можетъ дать достаточное количество воды для образованія сплавного уровня, и который, однако, Ревдинское заводоуправленіе, владеющее имъ, не считаетъ себя обязаннымъ давать бесплатно въ распоряженіе судоходства. Но все-таки въ концѣ концовъ соглашеніе достигалось, рабочихъ находили и обмелѣвшій караванъ трогался въ путь дальше безъ потери товара или гибели людей.

Но все-таки не таковы были результаты въ тѣ годы, когда сплавъ затягивался вслѣдствіе обилія водъ. Когда вода мала, плыть нѣтъ физической возможности, поневолѣ приходится стоять. Напротивъ, когда вода велика, во всякое время можно тронуться въ путь, но только нужно знать, во что обращается Чусовая при высокой водѣ. Это сплошной kloкочущій бѣшеный потокъ, и барка съ ея потесами и 40 рабочими—игрушка во власти разбушевавшейся водной стихіи. Вся снаровка сплавщиковъ, весь полученный ими опытъ, все ихъ тонкости управленія баркой, все ихъ стройное искусство, выработанное и приспособленное для сплавной воды, падаетъ теперь на этой разбушевавшейся рѣкѣ невиданной свирѣпости и силы. Мысы, косы, берега—все затоплено бѣшенными водами, которымъ ничто все приемы управленія и всякіе повороты, съ зарѣзу ли, щукой или на отрыскъ. Рѣка увлекаетъ съ собой

все внизъ съ неудержимой силой, какъ ей вздумается, бросая на камни и унося на струяхъ, о пересѣченіи которыхъ вышеописанными приемами не можетъ быть и рѣчи.

Вотъ по такому именно уровню и съ такими безпомощными средствами заводоуправленія и пускали въ путь Чусовской караванъ въ года съ затнүвшимся сплавомъ вслѣдствіе высокой воды. Таковъ, между прочимъ, былъ и сплавъ 1877 года, памятный на рѣкѣ ужасами, которыми онъ сопровождался, и жертвами, которыя поглотило въ этомъ году чусовское русло.

Около 20 апрѣля наступила оттепель. Чусовая прошла, сдѣланъ былъ Ревдинскій выпускъ и караваны 23 апрѣля тронулись въ путь. Все шло сначала хорошо. Но въ тотъ годъ на Уралѣ выпало очень много снѣга, а такъ какъ на другой день послѣ отправки каравана, 24 числа, пошелъ дождь, то подъ его вліяніемъ образовался громадный притокъ снѣговой воды, и уже 25 апрѣля уровень поднялся до 6 аршинъ, такъ что плыть оказалось невозможнымъ. Караваны остановились, гдѣ кто были, чтобы переждать воду. Но проходить 10 - 12 дней, миновало уже 1 мая, а вода поднялась еще выше. Начались обычныя побѣги рабочихъ, и многіе караваны рѣшились на безразсудное, неслыханное плаваніе на водѣ въ 7 аршинъ высоты надъ меженью. Нужно было видѣть, что это былъ за потокъ, что это было за плаваніе и какимъ было безуміемъ на него рѣшиться! Изъ 400 судовъ, пустившихся въ путь, разбилось 47 барокъ и погибло болѣе 100 человѣкъ народа, въ то время какъ изъ числа 200, нѣсколько переждавшихъ воду, разбилось всего три судна.

Изъ этихъ 47 барокъ 23 поглотилъ камень „Молоковъ“ съ его товарищемъ „Разбойникомъ“. Двадцать три барки одна за другой попали въ пучину Молокова, который при высокой водѣ отбиваетъ струю съ невѣроятной силой еще круче, чѣмъ обыкновенно, и двадцать три увлеченныя струей барки одна за другой ударились объ „Разбойникъ“ и разбились вдребезги. И здѣсь именно, въ этомъ аду треска, ужаса и воплей нашли свою могилу тѣ 100 человѣческихъ жертвъ, которыя упомянуты выше.

Отечество наше не щедро на память. Оно и не такихъ своихъ героевъ или дѣятелей предастъ забвенью, какъ-будто ихъ вовсе не существовало или какъ будто они ничего не сдѣлали. Такъ куда уже тутъ говорить о памяти какимъ-то никому неизвѣстнымъ и даже нигдѣ не записаннымъ жертвамъ чусовскаго сплава. Пусть, по крайней мѣрѣ, хоть я, прямо со школьной скамьи попавшій на эту катастрофу, помяну ихъ здѣсь добрыми словами во имя тѣхъ

послѣдствій, которыя они своей гибелью вызвали. Потому что именно ужасъ этой катастрофы далъ возможность осуществить сдѣланное много послѣ этого и официально, и въ печати предложеніе преобразовать чусовской сплавъ въ такой видъ, при которомъ подобныхъ катастрофъ повторяться болѣе уже не будетъ.

Но что же дѣлать, если въ своемъ изложеніи и я сейчасъ снова не смогу избѣжать хотя немножко техники. Впрочемъ, я вовсе не думаю вовлекать читателя въ ея дебри и скажу лишь то, что для послѣдующаго совершенно необходимо имѣть въ виду.

Почему сплавъ по Чусовой отличался такими опасностями? Потому, что онъ совершался на потесахъ, т. е. суда шли по руслу съ такой же бѣшеной скоростью, какъ и сама вода. Но почему же въ такомъ случаѣ практиковали подобный сплавъ, развѣ нельзя было замѣнить его какой-нибудь другой системой?

Отвѣтъ на эти вопросы отчасти уже есть въ предыдущемъ изложеніи, и внимательный читатель навѣрно ихъ замѣтилъ. Потому пужень былъ бѣшенный сплавъ на потесахъ, что было мало воды, что движеніе барокъ совершается по Чусовой на искусственномъ водяномъ валу, образуемомъ выпускомъ Ревдинскаго пруда. Такъ какъ этотъ выпускъ могъ поддержать сплавной уровень въ рѣкѣ лишь около полутора сутокъ — не больше, то на искусственномъ паводкѣ примѣрно верстъ въ 200 - 300 длиной и приходилось помѣщаться всему чусовскому каравану и, какъ мы видѣли, даже при 600 баркахъ размѣщаться очень тѣсно.—Здѣсь ни о какомъ промедленіи въ пути не могло быть и рѣчи—иди по валу, съ той скоростью, съ которой онъ движется, т. е., другими словами, иди въ компаніи и во власти всѣхъ этихъ струй, суводей, майданъ и проч. И отсюда же, съ одной стороны, необходимость сплавить весь Уральскій грузъ заразъ весной, потому что послѣ воды уже нѣтъ, а съ другой необходимость пришло бѣ бурлачества для пополненія недостаточнаго числа рабочихъ, необходимыхъ на весь едновременный громадный чусовской караванъ. Очевидно, что весь узелъ вопроса тутъ именно въ недостаткѣ воды, въ томъ, что нужно было итти всѣмъ заразъ весной, и притомъ непременно мчаться очертя голову, чтобы не упустить воду. Сплавщикъ!—выручай,—ухитрайся въ выдумкахъ, какъ въ бѣшеной скачкѣ проскальзывать между чусовскими Силлами и Харибдами!

Но представимъ себѣ, что чусовской сплавъ имѣеть въ своемъ распоряженіи не чужой, а свой собственный достаточной вмѣстимости прудъ, которымъ судоходство можетъ пользоваться сколько

угодно разъ въ году по мѣрѣ накопленія въ немъ воды. Тогда, очевидно, не будетъ никакой надобности сосредоточивать всю отправку весной, тогда послѣ весенняго каравана можно было бы отправлять второй караванъ, лѣтомъ, потомъ осенью, отправлять хотя бы каждый мѣсяцъ. Единовременная отправка судовъ сократилась бы, число судовъ было бы во много разъ меньше и для нихъ вполне достаточно было бы и мѣстныхъ рабочихъ безъ участія пришлыхъ бурлаковъ. Устранена была бы тѣснота, а съ нею вмѣстѣ и тѣмъ самымъ отпала бы сама собой и необходимость бѣшеной скачки барокъ на потесахъ.

Однимъ словомъ, весь вопросъ чусовскаго сплава разрѣшился бы къ общему благополучію, если бы можно было обезпечить судоходство достаточнымъ количествомъ своей собственной воды. И такое обезпеченіе было вполне возможно, такъ какъ мѣсто для водохранилища было найдено на самой Чусовой, выше начала ея сплавной части, въ 5 верстахъ выше устья р. Ревды, и это водохранилище, съ затратою на его устройство 250 тысячъ рублей, дало бы запасъ воды большій, чѣмъ Ревдинскій прудъ, и притомъ накапливаемый каждыя двѣ педѣли, и даже скорѣе.

Но все-таки, если запасъ воды и былъ бы обезпеченъ въ достаточной степени и если тѣмъ самымъ была бы устранена необходимость опаснаго сплава на потесахъ, то какъ же организовать его иначе, какую иную, болѣе безопасную систему управленія баркой можно придумать въ данномъ случаѣ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно напомнить, что всякое вообще судно, кромѣ сплавляемаго на потесахъ, управляется рулемъ. Къ рулю и останется въ данномъ случаѣ прибѣгнуть, упразднивши потеси. Сила же руля зависитъ отъ скорости перемѣщенія судна въ водѣ, другими словами, отъ разности скоростей воды и судна. Пароходъ идетъ, напр., по водѣ со скоростью 25 верстъ въ часъ, а вода со скоростью 3 верстъ, вотъ эта разница въ 22 версты и даетъ силу рулю. Но такъ какъ здѣсь на Чусовой заставить судно идти быстрѣе воды нѣтъ возможности, ибо и безъ того уже теченіе Чусовой доходить до 25 верстъ въ часъ, то чтобы образовать разницу въ скоростяхъ движенія барки и воды и тѣмъ дать силу рулю, нужно заставить судно идти медленнѣе воды. Пусть вода идетъ со скоростью 20 или 25 верстъ, а судно пусть идетъ, напримѣръ, со скоростью 10 верстъ въ часъ, тогда разница скорости составитъ 10 - 15 верстъ и она дастъ рулю такую силу, какую имѣетъ, напримѣръ, пароходъ, движущійся со скоростью 10 - 15 вер.

въ часъ, т. е. силу вполне достаточную для управленія судномъ. Отличіе будетъ только въ томъ, что пароходъ опережаетъ воду, и потому рѣжущій воду носъ у него впереди, а руль назадъ, а здѣсь вода будетъ опережать судно, и потому носъ долженъ быть повернуть назадъ, а руль напередъ. Однимъ словомъ, барка должна идти въ обернутомъ или, говоря по чусовскому, въ „отуренномъ“ положеніи.

Но какимъ же, однако, средствомъ можно замедлять движеніе барки? Это достигается очень просто, съ помощью такъ называемаго лота, т. е. болѣе или менѣе значительной тяжести, напр., большой болванки чугуна, просверленнаго камня или просто выпущенной цѣпи, которые волокутся сзади барки по дну и тѣмъ задерживаютъ ея движеніе.

При этомъ техника управленія будетъ обратной зарѣзыванію судна, идущаго свободно на потесяхъ. Когда барку, идущую на лоту, хотятъ отвести въ какую-либо сторону, напр., въ правую, то поворачиваютъ и руль въ эту сторону. Тогда барка поворачивается передомъ влѣво и подставляетъ свой лѣвый бортъ напору воды сзади. Этотъ напоръ и перемѣщаетъ судно въ поперечномъ направленіи съ такой легкостью, которой никогда нельзя было достигнуть съ помощью потесей. Чусовское теченіе, это страшное теченіе, служившее грозой для всѣхъ плывущихъ, становится теперь послушнымъ орудіемъ, поворно исполняющимъ волю сплавщика. Мало того, сама по себѣ медленность движенія дѣлаетъ и удары судовъ о камни безопасными, барки, идя на лотахъ, спокойно трутся себѣ о камни. Прежде одно приближеніе къ нимъ вызывало непреодолимый ужасъ, а нынче рабочіе, закуривая папироски, зажигаютъ объ нихъ спички.

Дикая Чусовая приручена, и это сдѣлали человѣческія жертвы былого чусовскаго сплава. Вѣчная имъ за это память.

Какъ я выше упомянулъ, для введенія предложеннаго сплава на лотахъ нужно было устроить особое казенное водохранилище, которое требовало затраты 250.000 р. Однако, этого не сдѣлали и до сихъ поръ. И благодаря этому, и до сихъ поръ на Чусовой, можетъ быть, продолжалъ бы процвѣтать сплавъ на потесяхъ, сопровождаемый человѣческими жертвами, если бы на выручку не подошло совершенно новое обстоятельство со стороны. Построили Уральскую желѣзную дорогу, и многія заводууправленія вовсе бросили злополучную Чусовую. Она стала пустѣть, ея караванъ сократился на половину, тѣснота прекратилась и явилась возможность перейти къ сплаву на лотахъ даже и при пынѣшней короткой Ревдинской водѣ. И сейчасъ на Чусовой барки уже безнаказанно трутся около бойцовъ, таща сзади свои баклажки по дну, и уже такихъ ката-

строфъ, какую мы въ 1877 году испытали, Чусовая больше не увидитъ. Голь на выдумки хитра, вотъ и выдумали лотъ, который потомъ съ Чусовой спустился на Каму и Волгу, и нынче уже и на этихъ рѣкахъ не плыветъ безъ него ни одинъ плотъ и ни одна бѣлява.

Но и этотъ лотъ, все ли это, что нужно для Чусовой? Или уже и онъ самъ по себѣ становится анахронизмомъ, который пора бы замѣнить чѣмъ-либо другимъ, болѣе современнымъ? Конечно, пора бы. Недаромъ когда-то Ермакъ проникалъ по Чусовой въ предѣлы Сибири для ея завоеванія. Рѣка эта не только славной путь для уральскихъ грузовъ, она самой природой поставлена какъ соединительное звено между русскими и сибирскими рѣками, и осуществленіе черезъ Уралъ воднаго сообщенія—вопросъ только времени. Россія и Сибирь—это два громадныхъ міра, и не могутъ они довольствоваться лишь однимъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ, хотя бы для этой цѣли было построено нѣсколько желѣзныхъ дорогъ. Разрастающійся обмѣвъ сибирскихъ и русскихъ грузовъ неизбежно вызоветъ необходимость въ созданіи транзитнаго воднаго пути, потому что только онъ одинъ въ состояніи вынести на своихъ водахъ неограниченную массу груза, а дешевизной провоза вызвать дальшія перевозки.

Тогда Чусовая, сдѣлавшись соединительнымъ звеномъ между Волгой и Камой съ одной стороны и Тоболомъ, Иртышомъ и Обью съ другой, одѣнется шлюзами и, забывъ про свои бывшя потеси, лоты и сплавленную воду, разрѣжится въ видѣ лѣстницы на рядъ спокойныхъ водныхъ ступенекъ—озеръ, по которымъ весело побѣгутъ пароходы. А путешественники, которые на этихъ пароходахъ поѣдутъ изъ Россіи въ Сибирь или обратно, будутъ спокойно любоваться дикой и чудной природой Чусовой и ея когда-то грозными бойцами. Сидя на палубѣ за чайкомъ и рассматривая чередующіяся передъ глазами картины живописныхъ береговъ, они спокойно будутъ проходить по тѣмъ мѣстамъ, которыя когда-то вызывали ужасъ, разбивали суда и губили людей. И, можетъ быть, тогда эти путешественники полюбуются узнать, что представляла собою въ прошломъ Чусовая, и, можетъ быть, и мои настоящія воспоминанія будутъ имъ тогда въ этомъ отношеніи полезны.

В. Лохтинъ.

(Извлечено изъ „Журнала Министерства Пут. Сообщ.“, кн. X, 1909 г.)

Печатано по распоряженію Канцеляріи Министра Путей Сообщенія.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.